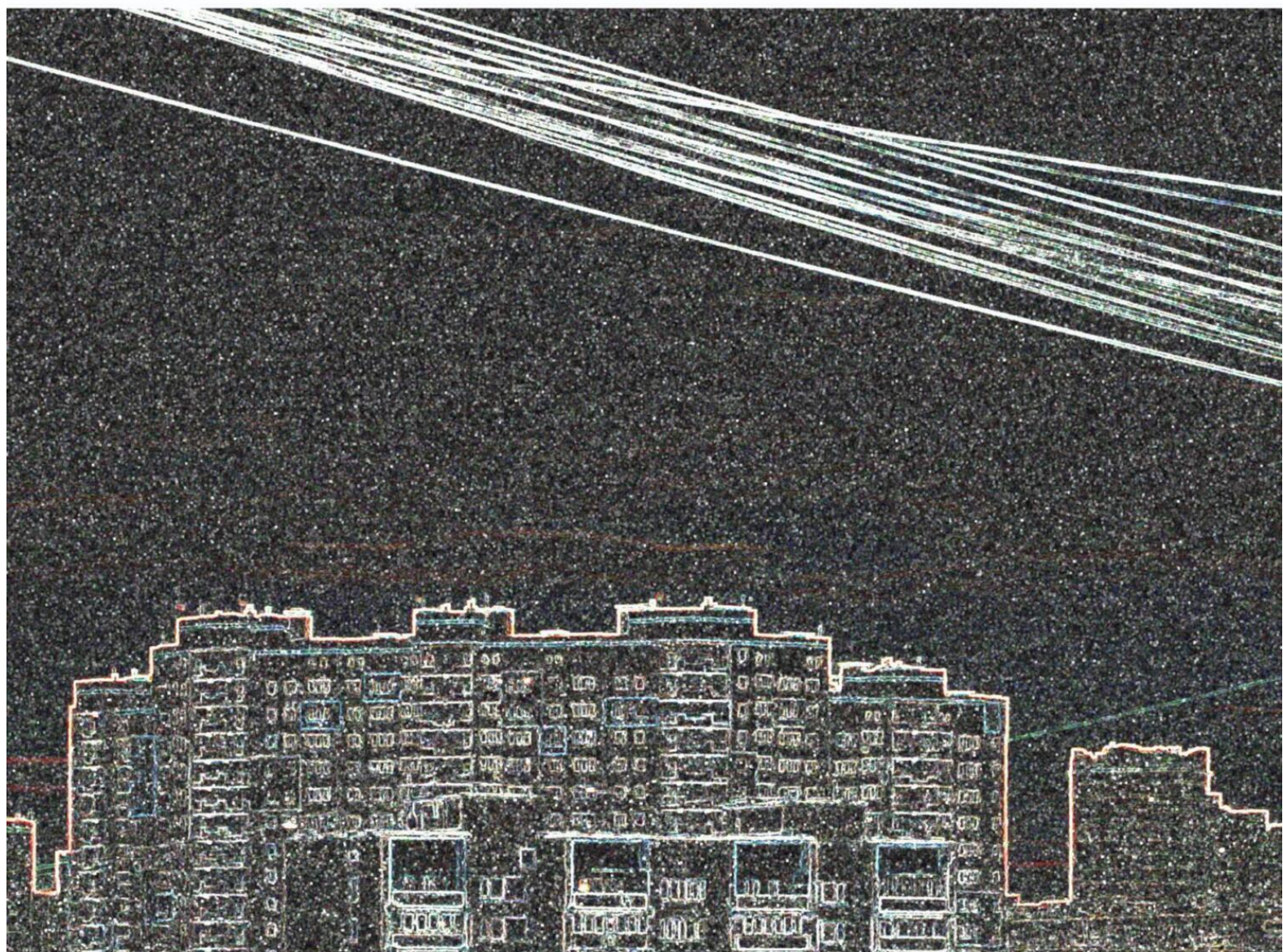

ДАЛЬНИЙ СВЕТ

Ринордийский цикл. Книга III

Ксения Спынь

18+

Ринордийский цикл

Ксения Спынь

Дальний свет.

Ринордийский цикл. Книга 3

«Автор»

2017

Спынь К. М.

Дальний свет. Ринордийский цикл. Книга 3 / К. М. Спынь —
«Автор», 2017 — (Ринордийский цикл)

ISBN 978-5-532-09865-7

Этот мир — другой. Нет, он не населён диковинными существами и канувшими в Лету народами: здесь лишь такие же люди, как мы. Можно считать его пространством сна, грёзы, где засевающие в памяти фигуры и приметы времён смешались в причудливый узор, иногда так похожий на нашу явь. Или попыткой пробраться на другой уровень — туда, где живут страхи, надежды и мечты. Или просто иным миром, в котором искривлённо отражается наш. Это последняя история о городе Ринордийске. Видно, кто-то проклял это место, если каждая грёза о лучшей жизни оборачивается здесь кошмаром наяву, а шаги к свету и к новому миру на самом деле ведут всё дальше в пропасть. Но что же теперь – отказаться от мечты, что бластится огоньком вдали?

ISBN 978-5-532-09865-7

© Спынь К. М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Часть I.	6
Из незапечатанного письма	6
1.	7
2.	8
3.	10
4.	14
5.	16
6.	18
7.	20
8.	21
9.	22
10.	24
11.	25
12.	27
13.	30
14.	32
15.	34
16.	36
17.	37
18.	39
19.	41
20.	44
21.	46
22.	49
23.	51
24.	53
25.	55
26.	57
27.	59
28.	61
29.	63
30.	64
31.	66
32.	68
33.	69
34.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

*Не сердитесь за грустный конец и за слов моих горестных хмель.
А. Вертинский*

Часть I.

Из незапечатанного письма

У каждого своя уязвимость, своя точка разлома. У Софи это была её огромная самонадеянность, что и позволяло мне находиться рядом с ней и много лет оставаться вне подозрений: как величина заведомо несопоставимая с Её Величеством я просто выпадала из её мыслей и списков. У Феликса это зазор между понимаемым и декларируемым. Пока он может утверждать только то, во что хочет верить, он в безопасности – но понимает он куда больше. У меня же это отсутствие смысла. С тех пор, как закончилась служба у Нонине и нет больше тысяч мелких шагов, которые нужно совершить без ошибки, я не знаю, что делать дальше.

Китти [начата заглавная буква фамилии и тут же зачёркнута]

1.

Они воздвигали флаг.

Но флагшток стоял как-то криво, и флаг кособочился.

– Ну не видите, что ли, что неровно?

Никто не обратил внимания; некоторые только привычно кивнули, как всегда, на его возглас. Будто и не было Главной площади, не было стены, не было «люди, я в вас верю!»

Первое здание, законченное уже в новую эпоху... Он вспомнил, как хорошо здесь было в мае: когда они стояли на недостроенном этаже, а сверху лилась лазурь вперемешку с апельсиновым солнцем и казалось, что впереди совсем другой, лучший мир.

Красный лоскут тяжело колыхался в грифельно-пасмурном небе.

– Он же так съедет, вообще упадёт с крыши! Вы его не закрепили даже толком.

Талоев, парень из рабочих, нетерпеливо и раздражённо обернулся:

– Так давай, сделай как надо! Что ты раскомандовался?

– Ну пустите тогда, дайте я.

Остальные расступились и не стали мешать. Феликс опустился к основанию флагштока, попробовал разогнуть закрученную жёсткую проволоку. Пурпоров из-за плеча предупредил:

– Руки обдерёшь.

– Да хрен с ними.

Флаг он в итоге чуть не уронил, но всё же подхватил вовремя. Впрочем, отдать его другим уже не возражал.

Отступив от них, он медленно отодвинулся к краю, облокотился на ограждающий бортик. Здесь же стоял Пурпоров, но Феликс не взглянул на него: не хотелось увидеть нарочито понимающую жалость, с которой, он чувствовал, тот на него смотрит.

– Ничего, скоро всё будет как надо, – уверенно пробормотал Феликс.

Тучи тянулись над крышами и шпилями, сколько хватало глаз. Вдалеке блёклой лентой лежала река, ещё дальше, через мост, угадывался стеклянный шар с очертаниями континентов.

Послышалось тарахтенье: внизу, прямо к зданию, подкатила небольшая чёрная машина. На такой допотопной колыхаге ездил только один человек в городе.

Феликс дёрнулся было, обернулся к Пурпорову:

– Если будет что-то совсем срочное, позвонишь мне?

Тот, прикрыв глаза, будто совсем не видел автомобиля, кивнул.

Феликс быстро спустился. Китти уже вышла из машины и стояла рядом с ней, сосредоточенно оглядываясь по сторонам. Будто забыла, что дальше.

– Давно не виделись, – он ловко и незаметно проскользнул к Китти сбоку, приобнял за плечи. – И что ты здесь ищешь, интересно узнать?

Китти не улыбнулась в ответ:

– Тебя.

2.

Им не надо было договариваться, куда идти. Оба уже знали.

«Рассадник» – как когда-то называли ГУЖ рьяные приверженцы Нонине – в середине октябряского дня был тих и не пестрел народом, только иногда поодиночке мелькали студенты у дверей или под окнами. Эти люди наверняка бы оскорбились, именуя кто рассадником их, и, уж конечно, не стали бы с хохотом подхватывать подобное название, как это сделали в годы Феликса и Китти. Да и про «башню» – западный флигель – они, похоже, не знали или нашли себе места посимпатичнее.

Здесь всё было по-прежнему. Старая лестница положим винтом, в окнах наверху – цветные стёкла, через которые мир кажется красным, оранжевым или синевато-сизым. Когда-то «башня» исполняла роль беседки. Теперь едва ли кто-то мог здесь помешать.

– Так что? – спросил Феликс.

Китти помолчала немного.

– Лаванда.

И это вместо всяких объяснений.

– Что – «Лаванда»? – Феликс нервно пожал плечами.

– Что ты про неё скажешь.

– Ну а что я про неё могу сказать. Лаванда как Лаванда, со своими причудами. Не самый плохой вариант. Получше многих, – он отвёл взгляд.

Китти выжидательно смотрела большими карими глазами: не будет ли продолжения. Не дождавшись, заговорила:

– Как тебе её последняя инициатива.

– Ты про «реформу истории»?

Китти кивнула.

Феликс отвернулся, перешёл от окна к окну (из зелёного в рыжее).

– Девочка дорвалась до власти, – заговорил он негромко. – Впервые в жизни почувствовала себя чем-то значимым. Вот и отрывается теперь. Это пройдёт. Между прочим, нам повезло, – он снова резко развернулся к Китти. – Повезло, что живых людей это не затрагивает, только старые бумаги и учебники истории, если таковые ещё останутся. Это всегда можно будет откатить назад.

Китти покачала головой:

– Лаванда не откатит. И ты это знаешь.

– Послушай, – он напряжённо рассмеялся, – она всё ещё моя кузина. Это же не чокнутый диктатор вроде Нонине. Я всегда могу прийти, если её сильно занесёт, и что-то ей объяснить...

– Поэтому она не принимает тебя уже два месяца?

Все слова пресеклись; Феликс замолчал.

– Зато Гречаев к ней вполне вхож, – продолжила Китти как ни в чём не бывало.

Он глубоко вдохнул, отбил дробь по подоконнику.

– Можно было этого не делать.

– Чего?

– Можно было не бить по больному.

Китти с невинным вопросом подняла брови:

– Что такое, мы так не любим правду?

– Ладно, давай, – Феликс оторвался от своего окна и вступил в её сизоватую синь. – Да, не принимает. Не знаю почему. Наверно, что-то не так сделал... может, был не слишком убедителен. Знаешь что: я сейчас ещё раз попробую. Напишу ей в письменном виде, если она так хочет. Потому что у меня к ней тоже есть претензии, другого рода. И я их до неё донесу.

В углах рта Китти залегла знакомая полуулыбка-полуусмешка, за которую Феликс иногда её ненавидел.

– И она тебя послушает.

– Если не с первого раза, то со второго или с третьего. Всё устаканится постепенно, ну серьёзно.

– Ты ещё не понял? – Китти покачала головой. – До тебя не дошло? Что это только начало. Дальше всё будет только хуже.

– Ты это говоришь с самого выпускного, – пробурчал Феликс.

– Но ведь так и есть.

– Знаешь что! – повернулся он к Китти. – Иди ты...

Не закончив, метнулся к лестнице.

Не двигаясь пока с места, – нет никакой надобности – она подождала, пока Феликс сбежит вниз. Три поворота винта, примерно по десять ступенек – слышимость отличная, можно даже не смотреть.

Первый. Второй. Третий... А теперь дверь на выходе.

Правильно, об косяк её со всего размаху!

Китти чуть усмехнулась:

– Истерик.

3.

Вечер был закреплён за студией – пусть не для главного канала, но эфиры никто не отменял. После Китти задержалась передать инструкции на завтра Павлику, своему коллеге: он очень старался, но по неопытности вкупе с обострённым чувством ответственности обязательно где-нибудь портачил. Домой она вернулась ближе к ночи.

Мама ещё не ложилась, заканчивала возиться на кухне.

– Китти, тебе там пришло что-то, – она между делом кивнула на пачку бумаг на столе.

– Спасибо.

Квитанции, какие-то старые извещения, потерявшие всякий срок... Между ними заслуживал внимания белый запечатанный конверт. Китти оглядела его: никаких надписей. На ощупь – открытка или фотография. Китти осторожно вскрыла конверт и вытащила фото.

Вольдемар Замёлов, сразу после своего убийства.

Внешне невозмутимо, Китти внимательно рассматривала снимок. Тут надо бы понять; по возможности припомнить всё, что имеет отношение.

Она помнила... Тогда тоже был октябрь, и она тоже возвращалась около полуночи... Впрочем, нет – ещё раньше, за несколько дней, Замёлов заглянул в приёмную, Китти как раз составляла плановый отчёт. Замёлов замешкался на мгновение: ясно было, что её присутствие здесь не входило в его планы. Однако уже в следующую секунду он сделал вид, что это всё равно и ничем не мешает, Китти точно так же сделала вид, что слишком поглощена бумагами, чтоб обратить на него внимание. Когда вместе работают естественные враги, надо уметь проявлять деликатность.

Окно от секретарского стола заслонял небольшой, но широкий фанерный шкаф с папками (сквозные просветы заставлены традесканцией). За этой перегородкой и скрылся Замёлов. О шкафе напротив стола – в лаковых дверцах всё отлично отражалось для Китти – он, видимо, позабыл.

Замёлов прошёл к окну, бдительно бросил взгляд по сторонам, перед тем как достать бумагу. Достав же, быстро пропихнул её в крупную угловатую шкатулку, что стояла на подоконнике, – в щель между крышкой и задней стенкой. Бумага стукнулась о дно с отчётливым хлопком. Такой бы Китти услышала, даже если бы и вправду работала, не отвлекаясь. И, поняла она, Замёлов знает, что она услышала.

Вернувшись из-за перегородки, он деланно игриво облокотился о стол Китти, поинтересовался, чем она занята (не забыв о том, как мило она выглядит сегодня). Китти, столь же искренне улыбаясь, отвечала нечто вежливое и маловразумительное, когда в приёмной вдруг появилась Нонине. Резко хлопнув дверью, она почти что отпихнула Замёлова от стола.

– Отвали от девушки. Китти, пошли, поможешь мне с конференцией.

Тогда Софи ещё готовилась к публичным событиям загодя, за несколько дней.

В вечер же после конференции Китти действительно возвращалась поздно, почти к полуночи. Оставив машину на стоянке, она шла вдоль трассы: справа – небольшие ухоженные домики окраины, слева – пустая дорога, в свете дальних фонарей поблёскивал влажноватый асфальт. Позади вдруг послышался нарастающий шум, трассу озарило фарами – слева выдвинулась громадная туша грузовой фуры.

Здесь, мелькнуло в голове. Так ведь это обычно и делается. Инстинкт подсказал, что не стоит в таком случае доходить до дома. Прижав все бумаги к груди и закрыв глаза, она встала на месте.

Свет залил пространство даже сквозь веки, потом с шумом унёсся вперёд. Китти открыла глаза.

«Ну не будут же они стрелять в тебя здесь, на улице. Сейчас не те времена».

Она вспомнила про камеру по ту сторону дороги, прямо напротив. Хороша дурочка-секретарша: встала вдруг столбом, как будто заподозрила что-то, – с чего бы, в самом деле? Пока это не привлекло излишнего внимания, Китти, словно ничего не было, зашагала вперёд.

«Скоро станешь таким же параноиком, как твоя хозяйка».

Дома всё было спокойно. Мама смотрела телевизор.

– А, Китти, – она обернулась на звук двери. – А я уже волновалась.

– Что-то случилось?

– Так этого, вашего, – мама кивнула на телевизор, – застрелили.

– Кого? – не поняла она.

– Этого же... – мама, казалось, усиленно пыталась вспомнить непривычное имя. – Замёлова.

– Вольдемара?

– Да. Да, его, точно. Представляешь, просто кто-то застрелил на улице, прямо возле его дома.

– Когда?

– Да вот буквально полчаса назад передали... – мама указала на телевизор, с сомнением посмотрела на Китти. – Я думала, ты знаешь.

– Нет, я как раз ехала в машине. Не включала радио.

(Перерыв, конечно, должен был закончиться, но она никогда не предполагала, что это будет Замёлов. Ему-то Софи как раз симпатизировала – пусть по временам он и заигрывался с ней в фамильярность. Не спасло).

– Ну, наверно, найдут кто, – мама задумчиво поглядывала на телевизор. – Всё-таки большой человек...

– Да, – кивнула Китти. – Думаю, найдут.

Она прошла к двери в свою комнату.

Мама обернулась, отвлѣкшись от экрана:

– Ужинать будешь?

– Попозже возьму себе что-нибудь.

Китти притворила дверь, опустилась на кровать. Взглянула на часы на стене.

Они тихо тикали – была уже четверть первого. Полчаса назад она как раз шла вдоль трассы.

Китти легла на кровать, с головой накрылась одеялом.

«Я следующая. Может, и Кедров, но скорее я».

Руки отпустили одеяло, сложились на груди. Не мигая, не двигаясь с места, Китти смотрела в темноту над собой – низкий непрозрачный свод.

«А в гробике, наверно, хорошо. Лежишь себе спокойно... Все приходят, говорят о тебе разные хорошие вещи... приносят цветы».

«Так, ну прекрати, – она перекатилась набок, зарылась в подушку. – Тебе завтра ещё в глаза ей смотреть».

...Китти аккуратно закрыла изображение конвертом (мама ещё была на кухне), перевернула фото. На задней стороне неидеально, но вполне разборчиво ручкой было выведено: «Для Китти: день икс». Больше ничего, только эта маленькая пометка.

День икс... Годовщина совсем скоро.

И что-то ещё – что-то не так с фотографией. Китти так же перевернула её обратно, открыла снимок.

Через минуту она поняла: нет людей. Нет никого вокруг, нет и ограждающих лент: на всех известных, дошедших до публики фото они были. А вот и портфель, которого при Замёлове не обнаружили.

Это было снято сразу после. Кто-то зачем-то сделал снимок ещё тогда, теперь же – тот или кто-то другой – прислал ей. Кто-то знает, что она знает.

– Жаль, ничего так был человек, – заметила Софи, с грузным изяществом подпирая край стола и попыхивая сигаретой. – Как думаешь, кто?

– Кто бы это ни был, я уверена, он ответит перед Вашим Величеством, – спокойно сказала Китти.

Софи усмехнулась:

– Да уж, куда денется.

Она собралась было уйти к себе, но задержалась ещё раз:

– Кедрову я на сегодня дала отгул, но, если появится, пусть зайдёт ко мне.

– Да, Ваше Величество.

На секунду она поймала взгляд Софи. «Ну, ты же понимаешь, что я знаю, что ты всё понимаешь», – как бы говорил он.

– Там что-то не так, Китти?

– Нет, всё в порядке, – она сложила фото обратно в конверт, обернулась к матери. – Мам, а ты ещё общаешься с той своей подругой... Которая уехала?

– На днях переписывались, – та пожала плечами. – А что?

– Если бы ты, допустим, поехала за границу, например, в их город – она согласилась бы тебя принять?

– Не знаю... Она звала навестить, но всерьёз мы не говорили... Подожди, ты хочешь, чтоб мы уехали за границу?

– Чтоб *ты* уехала.

– Нет, ну как так... – мама нахмурилась, раздражённо помотала головой. – Я чтоб уехала, а ты...

– А я останусь. У меня завтра выходной, я отвезу тебя в аэропорт.

– Может, хотя бы потрудишься объяснить мне, что происходит? – притворяясь, что сердится, она села к столу. – С чего вообще все эти разговоры...

– Мама, – Китти села напротив, сжала её руки в своих, – я тебя всегда слушала. Послушай теперь ты меня. Тебе просто сейчас надо срочно уехать. Это на время. Когда всё образуется, я дам тебе знать.

Та нахмурилась уже более неуверенно:

– Но там же надо на что-то жить, как ты это себе представляешь...

Китти улыбнулась уголками рта:

– А что, ты потратила уже все деньги, что были за эти пять лет?

– Нет, конечно. Но...

– Что? Тебе они там нужнее. Я перешлю. Когда нормально обустроишься и всё получишь, отправь мне телеграмму.

Задумчиво и сосредоточенно рассмотрев весь стол, она вскинула на Китти тревожный взгляд:

– Это что-то с политикой? Да?

Китти кивнула.

– Но ведь... теперь же всё нормально. Разве нет?

– Мама, ну ты же умный человек. Ты знаешь, что всё не так, как показывают по телевизору.

Та медленно покачала головой:

– Ты мне никогда ничего не рассказывала.

– Не время было. И сейчас тоже долго и не к месту. Когда вернёшься, я тебе всё расскажу. Если ещё захочешь.

Мама поднялась было согласно из-за стола, но тут же перехватила её руку и настойчиво уставилась в глаза.

– Китти, ответь мне честно: тебе что-то грозит? Какая-нибудь опасность?

– Нет, – Китти спокойно покачала головой. – Просто тебе сейчас лучше держаться от меня подальше. А так всё нормально.

Лгала она всегда хорошо.

4.

Заканчивалась посадка. Пригнувшись к рулю и сложив на нём руки, Китти следила через мелкую сетку забора за самолётом в отдалении: спонтанная стоянка тут почти напрямую выходила к полосе, но формально оставалась за территорией аэропорта. Здесь почти всё. Нельзя, однако, прежде времени терять бдительность.

Она раздумывала, стоит ли связываться с отцом, чтоб предупредить и его, не сделается ли от того только хуже. Китти не знала, где он сейчас и какая теперь у него жизнь. Последний раз они пересекались аккурат после университетского выпускного, с тех пор Китти его не видела.

...Вечер был тёмен и прохладен, несмотря на лето. Китти спустилась с лестницы, быстро подошла к представительному чёрному авто, которое заприметила из окна. Она угадала: за рулём сидел отец.

– Здравствуй, солнце, – совершенно ледяным тоном. – Садись.

Она села рядом с отцом, на переднее пассажирское. Подождав, пока она закроет дверь, он завёл мотор.

– Мы куда-то поедем? – насторожилась Китти.

– Недалеко. Отъедем за угол.

Они действительно остановились на углу.

– Скажи мне, ты уже нашла себе работу? – тем же тоном, не глядя на Китти, поинтересовался отец.

– Ещё нет, я найду что-нибудь в ближайший месяц...

– Нет, это несерьёзно, – оборвал он. – Слушай так: у меня есть знакомый на телевидении, управленец на местечковом канале. Им нужен новостной диктор. Не особо что, но на первое время сгодится. Если и впрямь собираешься работать, я тебя порекомендую.

– Спасибо, папа, – Китти слегка склонила голову.

– Ну вот и чудненько. Значит, договорились, – он обернулся с каким-то неопределённым движением. Китти отстранилась от его руки – ближе к дверям.

– Да ладно, – фыркнул он. – Как будто я когда-то бил тебя всерьёз.

Китти лишь продолжала холодно смотреть на него от дверей.

– Ну, как знаешь, – будто бы утратив всякий интерес, отец поискал что-то в карманах, вытащил крупную купюру, передвинул по панели к Китти. – Матери передашь?

– От тебя она не примет. А я не смогу объяснить, откуда они взялись.

– Что, сильно гордая стала? – усмехнулся он. – Так и убивается на своих подработках? Дура...

– *Ничего*, папа. Мы справляемся.

Уловив, по видимости, этот отзвук металла, он перестал усмехаться и как будто взглянул с любопытством. Впрочем, тут же отвернулся.

– Ладно, поедем. Подброшу тебя хотя бы.

– Благодарю, но я дойду сама, – Китти вежливо кивнула и вышла из машины.

Уже в отдалении она услышала его удовлетворённое: «Моя дочка».

...Мама взобралась по трапу; перед тем, как войти, остановилась и помахала Китти рукой.

«Дурочка!»

Китти быстро высунулась из окна, наскоро помахала в ответ. Как на иголках возвратилась за руль: только этого не хватало – привлечь сейчас внимание.

Скоро дверь закрылась, и трап отъехал. Самолёт, ускоряясь, понёсся по полосе. Ещё пять минут – и он взлетел.

Китти с облегчением выдохнула (по привычке так, чтоб никто не заметил).

К машине подошёл полицейский.

– Паркуемся в закрытой зоне?

– Закрытая за забором. Здесь можно стоять.

Голос у того демонстративно похолодел.

– Документы.

По-прежнему глядя в невидимую точку впереди, Китти протянула права и паспорт.

Полицейский просмотрел их, как будто чему-то обрадовался.

– Так-так, Китти Башева... Что это мы делаем возле аэропорта?

– Это запрещено?

– А вы, может, за границу собираетесь. Кто вас знает.

– Нет, не собираюсь.

Она устала, и ей было всё равно.

– Оружие, наркотики, запрещённые материалы имеются?

– Нет.

– Так-таки и нет, – протянул он.

– Можете обыскать.

Тот замешкался, после, растеряв где-то по дороге свою язвительность, заявил:

– Не требуется.

Передал документы обратно. Совсем мальчишка – похоже, ещё младше неё.

– Спасибо, – холодно-вежливо ответила Китти и, заведя мотор, покинула площадку у забора.

Ну вот, началось. Пятый раз за неделю. Кто-то что-то имеет против неё. (Трасса была пуста, и Китти прибавила ходу). Лаванда? Не её манера.

Тогда кто?

5.

Музыкальную шкатулку она заполучила чуть позже и даже почти не специально.

Прошло около двух недель с памятного события, когда Нонине внезапно появилась в приёмной. Вид у Софи был весёлый и несколько загадочный: будто она скрывала что-то и сейчас собиралась объявить. Она придвинулась к секретарскому столу:

– А ты помнишь, что у нас завтра праздник?

– Да, Ваше Величество? – откликнулась Китти, на всякий случай слегка обозначив вопрос.

– Как же, День демократии, – Софи изобразила радушную улыбку. – Что тебе подарить?

– Благодарю, Ваше Величество, но, думаю, мне ничего не нужно...

– Ну как так – «ничего», – отмахнулась Софи. – Нет, такой день... Я просто не могу тебе ничего не подарить. Выбирай.

Она властно оперлась ладонью о стол Китти, в глазах мелькнул зеленоватый насмешливый огонёк:

– Или я выберу на свой вкус.

Что на этот раз будет в её вкусе, узнавать совершенно не хотелось. Китти помедлила немного и всё же решилась рискнуть.

– Если вы будете так добры, Ваше Величество... – она для вида замялась. – Мне всегда нравилась та шкатулка, что стоит на окне.

Софи с любопытством приподняла брови, исчезла за шкафом-перегородкой. Почти сразу вернулась со шкатулкой в руке.

– Эта? Ну, лови, – она бросила вещицу. Китти успела поймать её на лету.

Софи усмехнулась:

– Могла бы сказать, я бы тебе её и так дала, – она тряхнула головой и прошагала к выходу.

– Благодарю, Ваше Величество.

Возможно, кто-то знает про шкатулку (про то, что в ней). Тогда, конечно, нет смысла оставлять свидетеля.

Китти припарковала на стоянке свою маленькую чёрную машину. (Ещё один подарок Софи: «Ты же, кажется, водишь? От моего прежнего секретаря машины не осталось, к сожалению... Там в гараже стоит какая-то железяка. Если заведётся, можешь забрать себе»). Дальше пошла пешком. Можно и не стеречься особо: если им действительно нужно кого-то убраться, они его уберут. Вопрос времени.

Возле этого фонаря её тогда окликнул Кедров. По этой дороге они шли рядом, ведя самый откровенный – и всё же лживый до мозга костей – из всех своих разговоров. И лучше считать, что это был последний раз, когда Китти его видела. (Её до сих пор начинало мутить от запаха дыма).

А вот здесь уже дом. Китти оглянулась: в свете фонаря – в полусвете, на границе с темнотой – как будто кто-то стоял. Она подождала немного, давая незнакомцу шанс, но тот не двигался с места. Может, и показалось. Может, никого. Китти развернулась и вошла в подъезд.

Кстати, – войдя в комнату, она зажгла свет – это ничего не меняет. Комнаты нижних этажей при включённых лампах просматриваются на отлично. Могут попробовать с улицы, пока она здесь.

Китти остановилась у стола перед окном, ещё раз достала из конверта присланную фотографию. Если задумывалось как угроза, то довольно странно кому бы то ни было так возиться с человеком масштаба Китти (особенно теперь, когда она не занимала никаких постов). Если

же предположить... ну, допустим, попытку предупредить, то это странно ещё более. Что за тайные доброжелатели и откуда могли бы у неё появиться?

Китти была первой, кто вошёл в кабинет Софи, когда хозяйки уже не было.

Она задержалась за другими срочными делами и появилась в коридоре у кабинета много позже, чем ей бы хотелось. Однако, судя по всему, ещё никто не успел побывать внутри. Люди, завсегда и резиденции, толпились у закрытой двери, о чём-то тихо переговариваясь, и топтались на месте. Заметив Китти, все замолкли.

– Что-то не так, господа? – она аккуратно протиснулась между ними.

– Там... крысы, – пояснил кто-то.

– И что?

Те переглянулись друг с дружкой:

– Их там много...

– Откройте дверь, – кивнула Китти (ключа у неё не было).

– И они просто огромные.

– Да, прям какие-то монстры...

Китти прервала:

– Откройте, я войду первой.

Ей не стали возражать и пропустили внутрь (предусмотрительно прикрыв дверь следом).

Китти, остановившись, наскоро огляделась, чтоб оценить обстановку.

Никаких крыс тут, разумеется, уже не было: они не стали бы столько дожидаться. А вот на столе по-прежнему лежали бумаги и, главное, заточенный уголь. Китти подошла, чтоб быстро переложить его в карман, – по пальцам, конечно, шарахнет, или ещё что, но это не смертельно, потом передаст в надёжное место...

Но, к удивлению, не шарахнуло. Вообще ничего. Уголь так естественно и охотно лёг в руку, будто этого только и ждал. Китти не подняла его, только сжала пальцами, постигая весь смысл этого нового открывшегося обстоятельства.

Ей никогда не приходило в голову, что она *тоже* может.

И, пожалуй, есть кого и зачем, надо только хорошо всё обдумать, прикинуть последствия, чтоб не вышло перегибов. Но теперь ведь можно и изменить систему, изменить само общество в целом – ну, то общество, которое считает, что репрессий не было и что хорошо бы вернуть «чёрное время», общество глупых, ничего не понимающих людей... и ещё, конечно, тех сволочей из школы, тех, кто травил её, – она же помнит всех поимённо – и особенно тех подонков, из-за которых у неё ожоги от сигарет на левом плече; это так просто, только записать имена и дальше можно вообще ничего не делать, они сами – и именно так, как им не хотелось. Серьёзно, она ведь может им это устроить, *она теперь вообще всё может*...

Несколько мгновений она побалансировала на краю этой мысли, пробуя её притягательный сладковатый вкус. Затем едва уловимым щелчком пальцев оттолкнула амулет. Уголь откатился на край стола, упал вниз, меж досок пола. Ещё секунда – и он глухо стукнул где-то внизу, завершив полёт. Китти услышала и кивнула в ответ, прикрыв глаза. Наваждение прошло.

Спасибо, Ваше Величество, было и так слишком много ваших подарков.

Китти открыла глаза. По её наручным часам прошло только около минуты.

– Кстати, их здесь нет, – громко сказала она для людей за дверью, упрятывая под жакет длинный список с именами, пока его никто не увидел. – А, нет, одна ещё есть.

И в самом деле, острая мордочка появилась из угла, настороженно втянула воздух, затем уставилась с недовольством на происходящее.

Китти мило ей улыбнулась. Те из них, которые хвостатые, не умеют говорить, а значит, не представляют угрозы.

6.

Ну, нет ещё – пока не закат. Осталось чуть-чуть, но пока – нет.

Феликс сидел под навесом небольшой кафешки и медленно тянул остатки кубы либре: на вторую хватило бы, но впритык, а сидеть здесь просто так – вообще не вариант. Всё Гречаев – уже сорок минут с назначенного времени. (На самом деле, и первую не стоило – перед встречей-то, – но он просто обязан был как-то себе компенсировать, что всё катится к чертям).

«Катится»? Он сказал, «катится»?

Нет-нет, конечно же, нет. Ничего никуда.

Просто он отвык, какая она – обычная нормальная жизнь, когда она уже... наступила.

Сюда бы, конечно, хорошо компанию – обсудить дальнейшее, да просто поболтать обо всём. Хотя бы... ну хотя бы Рамишева. Впрочем, с ним это, по обыкновению, выглядело бы как «я рассказываю, как всё на самом деле, а ты мне не возражаешь». (Порой Феликсу очень хотелось спросить: «Слушай, Витик, а если завтра я объявлю, что наше спасение – в абсолютной монархии, ты и тогда со мной согласишься?»)

В любом случае Рамишев сейчас не в городе – где-то на югах. Пурпоров здесь, но от встречи отклоняется: сильно загружен, решает какие-то бытовые проблемы. Они это почему-то умели: переключаться на быт, обыденность, становиться обычными людьми. Просто... жить.

На самом деле, во всём Ринордийске – а может, и во всём мире – был только один человек, который если и не одобрил бы его, то по крайней мере говорил бы с ним на одном языке. (В какой это было книжке – что больше, чем любовь, необходимо понимание?)

Так, ну хватит, об этом человеке он думать не хочет и не будет. Что теперь, ей всё можно, что ли?

Феликс сердито оборвал мысли, огляделся по сторонам. Из глубин кафешки доносилась чуть приглушённая музыка – какая-то песенка из прежних времён. Вокруг столиков в кадках стояли цветы – алые, как кровавые взбрызги, – но их, кажется, побил холодом за ночь. При свете-то ещё тепло...

– А, ну день добрый, – напротив него за столик опустился Гречаев.

Феликс поймал взглядом высоту у того за спиной: величественный шпиль наверху солнце уже настойчиво обливало оранжевым.

– Вечер...

– Да-да, конечно, вечер, – торопливо согласился Гречаев. – Так ты хотел о чём-то поговорить? Мне сейчас нежелательно отлучаться надолго, но, скажем, полчаса для тебя есть.

– Полчаса по старой дружбе? – усмехнулся Феликс.

– Ну почему же... Я же знаю, что ты так просто не назначишь, – он внимательно и пылливо прищурился. – Так что у тебя было сказать?

– Мне нужно встретиться с Лавандой, – глядя в глаза, проговорил Феликс.

– Это да, но... – Гречаева будто что-то насмешило, и он сдержанно проскользил взглядом по столику, – при чём тут я?

– Ну вот не хитри, – Феликс махнул рукой. – Понятно же, что ты пользуешься у неё большим влиянием.

– Н-не таким уж большим...

– И что к тебе она прислушается больше, чем если я сделаю официальный запрос.

– Мм... видишь ли, Феликс, – протянул Гречаев, будто перебирая на языке все слова из имеющихся. – Я ни в коем случае не хочу обвинять или наговаривать... Но, согласись, ты во многом сам этому поспособствовал – что теперь она не хочет тебя видеть. Отношения родственников – это всегда палка о двух концах, а учитывая все обстоятельства... Ну, ты и сам понимаешь.

– Что? Что я не идеальный родственник? Что у неё полно причин меня не любить – начиная с того, что это я вытащил её в Ринордийск и втянул во всё это? Разумеется, я это знаю! Но она же всё-таки... – он поколебался, ища слово (официальный титул так и не был введён с самого июня). – Правитель. Она же должна понимать, что это касается всей страны. А не её претензий ко мне лично.

Гречаев как-то недовольно поморщился, будто разговор начал ему надоедать:

– Хорошо, я передам ей твою просьбу... Но что она согласится тебя принять – гарантировать, как понимаешь, не могу. Ты всё же очень сильно преувеличиваешь моё влияние на Лаванду, – он загадочно улыбнулся, покачал головой. – Она – вещь в себе. И, как я тебе когда-то говорил, человек во многом железобетонный.

7.

Солнце скользило по тонкому ломтику мела в её руке: маленькая луна впитывала в себя большее и давала видеть – так чётко, так предельно ясно, что становилось удивительно и смешно, как никто не понял этого прежде.

Вся страна лежала перед ней, и можно было рассмотреть каждую былинку на лугах, каждый цветок среди лесного мха. Каждого человека в самом захолустном посёлке на краю северного моря.

Осталось немного – протянуть руку и *переправить*. Ошиблись все те, кто вёл за собой: ведь никуда вести не надо. Нет никакого обещанного края, куда можно прийти, куда нужно добираться с трудом и потерями, словно через горные кручи, через дикую тёмную чашу. Мир надо менять кардинально на тех местах, где он лежит, – везде, где исказилось, сгнило или росло криво с самого начала. Так перестраивают города, так перекладывают реки и направляют их в нужную сторону.

Теперь она знает как.

Она даст им другую жизнь. Она даст им другую историю. Это будет совсем другой мир, не имеющий ничего общего с теми дебрями, из которых они пришли.

(«Очередное переписывание истории – о чём говорят власти и к чему готовиться гражданам страны», – надо же, какие заголовки мы стали озвучивать вдруг в эфире. «С вами была Китти Башева, удачного вам дня и приятных новостей»).

Они не видят и не понимают пока, что так будет лучше. Люди вообще редко что понимают.

Она очертила пальцем краешек мела. Что-то сбилось. Будто какой-то изъян в идеальной белизне, в ровном полукружье-лодочке не давал свершиться планам до конца.

Лаванда задумалась, достала из ящика стола вторую половинку. С двумя ей думалось хуже, поэтому одну она всегда скрывала из глаз. Положив на стол обе половинки, она свела их вместе.

Зубчатая линия разлома была не толще волоска, но отчётливо выделялась на белом. Лаванда прислушалась: может, мел хотел ей что-то сказать. Нет, ничего, пожалуй. Вот разве что...

Лаванда откинулась на спинку кресла, задумалась ещё сосредоточеннее. Мел – не единственный, и где-то есть ещё четыре амулета. Про грифель, правда, в одной из тех исторических книг, которые она штудировала теперь постоянно, написали, что он был утрачен при сильном землетрясении много веков назад. Значит, остаются ещё три.

Это нехорошо: мало ли кто захочет воспользоваться в своих целях. А они ведь – не Лаванда, они не знают, как правильно...

Но уголь, между прочим, должен быть совсем близко. Надо прояснить это побыстрее, как раньше не пришло в голову.

8.

Шёл мелкий противный дождь.

Феликс несколько раз свернул переулками и вышел в какую-то безжизненную промзону. Не выбирая дороги, пошёл прямо.

Сырость раздражала: лезла за воротник, стекала с волос в глаза и мешала смотреть вдаль. Впрочем, смотреть и так было особо некуда. Промзоны одинаковы в любом городе – металлические остовы и мёртвые серые коробки.

Хотя здесь было какое-то движение. Работали заводы, ежедневно впускали и выпускали тысячи людей и, наверно, что-то производили. На дальней вышке медленно мигали красные огни, из трубы над какой-то будкой шёл дым. Если теперь и впрямь настанет новая жизнь (почему не настанет... Лаванда меньше полугода у власти), то, возможно, здесь она и зарождается, здесь набирает оборот маховик, который понесёт их всех в светлое будущее...

Этот мир не нуждался в нём. На самом деле, уже никто не нуждался в нём – фронтёре-неудачнике, оставшемся на пустых и морально устаревших баррикадах. Специально выдумывают себе дела, чтоб лишний раз не пересекаться с ним, а если и встречаются, то брезгливо отводят взгляд. Серьёзно, что вам *ещё* не нравится, господин Шержведичев? Теперь-то, кажется, всё как вы хотели?

(Вспомнился последний разговор с Лавандой. «Феликс, вообще-то я здесь правитель», – глаза леденисто-голубые и абсолютно холодные).

Наверно, не стоило тогда говорить ей про семнадцать лет. Сказал бы кто ему на первом курсе, что ему «только» семнадцать...

Дорога привела его к рельсам и грубым линиям железнодорожного моста. Феликс выбрался на него, облокотился на невысокое ограждение и свесил голову, обозревая местность ниже. Вообще-то мост был не предназначен для людей, здесь ходили поезда. Впрочем, Феликс стоял достаточно далеко от рельсов.

Дождь припустил сильнее. Это становилось уже вконец неприятно – наверно, стоило возвращаться домой.

Он подумал над этим и понял, что не хочет домой. Равно как не хочет дальше стоять здесь. И вообще больше ничего не хочет.

По инерции – надо же на что-то смотреть – он оглядел долину внизу. Кажется, вон тот белый камень посреди строительного хлама – это обелиск. Феликс, конечно, слышал и читал о нём, но даже не мог вспомнить, бывал ли здесь когда-то.

Что ж, можно, наконец, спуститься и побывать, раз всё равно больше нет никаких планов.

Внизу Феликс пересёк площадку, остановился в нескольких шагах от обелиска. Камень потемнел и казался скорее светло-серым. Но надпись – «Жертвам Чёрного времени» – по-прежнему чётко выделялась на одной из граней. Феликс угрюмо оглядывал её исподлобья, гадая, что дальше. Он всегда чувствовал себя неловко в таких местах: не знал, что говорить, как вести себя... Впрочем, кто-то уже положил сюда две красные гвоздики. Странно, людей тут вроде не особо. А цветы ещё совсем свежие.

Во что они превратятся после дождя, хотелось бы знать. Феликс осмотрелся: камень сужался от низа кверху и не давал никакого укрытия. Переломает же или смоем...

Наконец он додумался и приволок со стороны мусорных куч длинный кусок шифера. Поставив его горкой и уперев одним краем в обелиск, он смог укрыть гвоздики: теперь навес защищал их от воды.

Вот так. Шифер потом можно будет легко откинуть. Феликс развернулся и, не оглядываясь больше, пошёл прочь.

9.

Звонок Гречаева догнал его, когда он подходил к дому.

– Феликс, знаешь, я поговорил с Лавандой... Боюсь, она не захочет принять тебя.

– Хорошо, я понял, она не хочет меня видеть, – Феликс остановился у подъезда и преждевременно поднял руку, будто собеседник мог его узреть. – Можешь тогда просто передать ей моё мнение? Я напишу, если хочешь. Или могу так.

– Феликс, я представляю, какое у тебя мнение, – терпеливо, но настойчиво прервал Гречаев. – Вообще-то я не особо с тобой согласен – вот что касается истории... или по части централизации, не вижу в ней ничего плохого. И ещё, скажу тебе, прикрываться другими людьми, чтоб посредством их протащить свои идеи... это, честно говоря, не очень красиво.

Хотелось крикнуть: «А не напомнить тебе, Мишенька, как ты прикрывался мной, когда мы шли на штурм? Как ты руководил всем втихую, а, если что, виноват во всём был бы я? Я, может, и не понял тогда сразу, но не настолько же я тупой, чтоб не понять сейчас!»

Вместо этого он только вяло отшутился, чтоб замять тему, и, поддержав ритуал вежливого прощания, разъединился.

Что он делает: деликатничает, чтоб сохранить ровные отношения, и с кем – с Гречаевым. Дабы через него оставался хоть призрачный контакт с собственной кухней – ах нет, простите, с госпожой Мондалевой, нашей правительницей. Ну и измельчал же он.

Хотя, возможно, и мельчать было нечему, подумал он злобно.

Был бы здесь не он, а Роткрафтов, тот, конечно, вёл бы себя по-другому. Роткрафтов не стал бы любезничать по телефону – он пришёл бы в резиденцию и так или иначе добился бы приёма, а уж там, будьте уверены, высказал бы всё, что считал нужным высказать.

Феликс запер дверь в квартиру. Даже вошёл в комнату. Тут его накрыло – почти как тогда: когда не можешь даже вдохнуть, глотку сдавливают как железным обручем. Роткрафтова нет и никогда уже не будет. С этим надо смириться. Как и с тем, что прийти излить душу больше не к кому. Давай теперь сам, парень, всё самостоятельно. Пора тебе уже повзрослеть.

Его немного отпустило; Феликс посмотрел на свои руки, заставил их не дрожать. Ну честное слово, равно как девочка-истеричка.

А ведь всё как будто даже нормально – он пренебрежительно огляделся, поймал взглядом часы на серванте. Как раз ровное время. Он машинально щёлкнул пультом, только следом поняв, что, в общем-то, незачем. Экран зажёгся, на нём медленно выступила незнакомая девушка – какая-то ведущая новостей.

Чёртов рефлекс. Сколько времени уже прошло. Феликс погасил экран.

Налетело то, о чём он не хотел думать: как после долгого разбора зимней практики они встречаются в коридоре.

– Вернулась? – говорит он с усмешкой и только тут понимает, что весь этот месяц скукал по ней. Поддавшись эмоциям, порывисто обнимает её – ещё просто по-дружески. Она вся деревенеет, превращается в статую и лишь затем скованно, непривычно обнимает его в ответ.

И другое: они стоят у исчёрканной буквами сырой стены. Вечер переходит в ночь, камеры здесь не должны увидеть.

Он закуривает сигарету. Китти поднимает руку в заграждающем жесте:

– Не дыми на меня.

– Ты, кажется, раньше не возражала.

– Софи учует.

– Она же сама курит, – фыркает он.

Китти изображает улыбку краешками рта.

– Она курит немного другие сигареты, Феликс.

- Неужели заграничные?
- Каракас, – она кивает. – Ей специально привозят.
- Хм... Ладно, – он тушит сигарету, прячет в карман. Китти замечает это жест.
- Экономить?
- Приходится.

Она замолкает ненадолго, перед тем как заговорить.

- Если будет совсем трудно, скажи – я...
- Что, с ума сошла? – обрывает он. – Думай, что предлагаешь!
- Для твоего же блага, – Китти пожимает плечами.

А всё-таки, было что-то в тех временах, в их постоянной настороженности и ожидании грядущей схватки. Всё должно было закончиться тогда, на стене – когда в момент экстаза он понял, что всё правильно, *так и должно быть*, на искреннем и взывающем «люди, я в вас верю!» А что теперь? Сколько ещё лет наедине с пустотой?

Феликс зашвырнул пульт в кресельные подушки, потом ничком упал на диван.

Нахрен так жить.

10.

Китти вернулась, стряхнула воду с чёрного зонтика, прежде чем поставить его в угол. На ходу развернула полученную телеграмму, в свете от торшера прочитала:

«всё получилось тчк целую зпт мама».

Из привычной предосторожности Китти сожгла телеграмму.

Вот и с этим закончено. Не переодеваясь, она подошла к окну, выглянула наружу, забыв, зачем ей это.

Поход к камню вымотал её на сей раз. Может, было бы иначе, слышь она по-прежнему голос с той стороны, но он уже долго и долго молчал. Остался только другой. Наверно, пять лет в секретарях у верховных правителей не проходят даром.

Снаружи тянулась ночь: сизоватая, дымная, когда свежий ветер спорит с горело-электрическим запахом бегущих где-то трамваев. Городская бледно-серебристая луна – священный диск меж рогов древней богини, по ошибке оказавшийся здесь, – зависла над тонкими скалами многоэтажек.

Такая же ночь была и тогда – когда после смерти Софи Китти осторожно вскрыла нижний отсек шкапулки и всё же распечатала давно хранившиеся там бумаги. (До того только видела конверт, но поостереглась его повредить: если Софи о нём знала и просто проверяла, знала ли Китти, то могла и затребовать шкапулку обратно – посмотреть, всё ли на месте). Что ж, бумаги рассказали много интересного. Но для чего оно теперь...

Ничто уже, в действительности, ни для чего. Так было и будет: в этом хороводе нет «своих» и врагов и, если присмотреться в прорези масок, все лица здесь едины. Колесо идёт своим чередом, им ничего не дано изменить – ни ей, ни Феликсу. Разве что засвидетельствовать как любопытный факт. Почему бы и нет: им определённo больше нечем заняться.

Это превращалось в игру – бесцельную, бесконечную; её невозможно выиграть, из неё нельзя выйти.

Нет, на самом деле, минимум один способ есть – лёгкий, быстрый и очевидный. Китти села к столу, выдвинула ящик: здесь хранился пузырёк, нетронутый ещё со времён службы.

Даже два (в том же ящике чуть дальше лежит пистолет).

Так, а теперь задвинем ящик, и давай по-нормальному, без глупостей.

О чём она думала перед этим... Пока служила у Софи, всё могла держать в голове. Теперь же то и дело что-то упускает. Будто идеально работавшая до сих пор машинка всё-таки сломалась.

Ах да, Феликс.

С Феликсом, в принципе, всё просто, можно даже ничего не предпринимать. Ещё одна его уязвимость (которую Китти нигде не упоминала, потому что это могло быть кем-то использовано) – он не выносит одиночества. Значит, скоро явится сам.

Она встала из-за стола; не раздеваясь, прилегла на подушку. Может, сегодня всё-таки удастся заснуть, хоть ненадолго.

Почти тут же троеточьем раздался дверной звонок. Китти приподняла голову.

– Раньше, чем я думала.

11.

– Да я это, я! – бросил в ответ Феликс. Нафига она вообще спрашивает: кто ещё в новые времена будет вызывать традиционный позывной подполья.

Китти открыла дверь – как всегда, безупречно элегантно и глянцева. Час ночи.

– Заходи, – она отодвинулась от дверей. – Что-то не так? Неважно выглядишь.

– Ты прекрасно знаешь, что как, – пробормотал он.

– В общих чертах.

Они прошли в комнату. Китти уселась на диван и смотрела со спокойным внимательным любопытством. Феликс сел рядом.

– Так ты... Хотел что-то сказать? – наконец поинтересовалась она.

Феликс попробовал было, но понял, что слова разбежались. Что их просто и нет уже.

– У тебя есть что-нибудь выпить?

Китти слегка удивлённо подняла брови:

– Всё совсем плохо?

Феликс не ответил. Китти легко поднялась и вышла.

– У меня... – раздался её голос с кухни. – Кажется, ничего нет. А, есть такая штука, – она появилась в дверях, держа зеленоватую бутылку.

– Что это?

– Nolle. Вроде мятного абсента. Жуткая гадость.

Она наполнила два матовых стакана из толстого стекла, один передала Феликсу, а со вторым села обратно на диван.

Феликс отпил было, но закашлялся после первого глотка.

– Я же сказала, жуткая гадость, – без интонаций проговорила Китти. Сама она просто сидела, держа стакан в руках и глядя в стену перед собой.

– Ладно, – Феликс поставил стакан на пол. – Можно и так.

Он подождал ещё с минуту, собираясь с мыслями.

– Лаванда не хочет меня принимать – тут ты, кажется, выиграла, – он невесело усмехнулся. – Пробовал через Гречаева, ещё по-разному... Всё глухо. Кому какое дело.

– Дела нет никому, – нечётким эхом отозвалась Китти. – Всё, что в нас было для них... полезного, мы уже сделали. И этот мир... не наш теперь. В нас он не нуждается.

– Про мир я тоже думал, – Феликс небрежно кивнул. – Вот по промзонам шёл и думал: может, надо было после школы в рабочие идти, на завод. Чем-то ведь даже проще: ни о чём таком не задумываешься, вечером вернулся с работы, пожрал, включил телик... Ещё один день. А вот сейчас, знаешь, вроде бы всё уже нормально – но я-то чувствую, что что-то не так. Помнишь, как тогда – когда только пришла Нонине?

Китти не ответила.

– Нет, Лаванда, разумеется, хорошая и правильная девочка, – он вновь усмехнулся. – Но... что у неё в голове – я не знаю. Что-то очень своё. Гречаев вот говорил, что она вещь в себе. Правильно, в общем, говорил. А мне почему-то кажется, что, если б она могла обустроить собственный идеальный мир... нас бы в нём не было.

(«И знаешь, мне страшно», – хотел сказать он, но в последний момент раздумал. Этого он не скажет даже Китти).

Она по-прежнему молчала.

– Не, я понимаю, что теперь даже протестовать не имею права, – тихо рассмеялся Феликс. – Что я сам её и привёл... я лично, да. Был не прав, ошибался, – он перевёл взгляд на Китти. – Ну что ты молчишь?

Она повернула голову:

– Прости, ты что-то говорил?

Нет, судя по её выражению, это не было никаким приёмом: она действительно не слышала. Только сейчас, взглянув на неё пристальнее, Феликс понял, что она тоже далеко не в лучшем состоянии. Бледность-то – ладно, а вот кругов под глазами у неё раньше не водилось. Равно как и манеры то и дело прерываться посреди предложения.

– Ты сама-то как? – спросил он.

– Ничего, просто бессонница. Ты что-то говорил про Лаванду?

– Я говорил, что не знаю, чем это кончится и куда она нас всех заведёт.

Китти качнула головой:

– Лаванда не одна...

– Конечно, там много наших, – неохотно согласился Феликс. – Вот странное дело: вроде бы давно знаком с этими людьми, могу рассказать о каждом... А теперь кажется иногда, что и не знал их вовсе.

– Может, и не знал.

– Так... – он тут же уловил зыбкую недоговорку в её тоне. – Тебе что-то известно? Да?

– Может быть...

– Так рассказывай, – Феликс жадно уставился на неё во все глаза.

– Зачем?

– Что значит «зачем». Если что-то не так с теми людьми, это надо знать сейчас.

– Чтобы что? – самые краешки её губ изогнулись. – Ещё раз устроить революцию?

– А что, считаешь, не вариант?

– Смотря для чего, – Китти пожала плечами. – Если для красивого и пафосного финала...

То может и прокатить.

– Хочешь сказать, на штурм я шёл для этого? – фыркнул Феликс.

– А хочешь сказать, это не так?

Несколько мгновений она смотрела на него серьёзно, затем отвернулась. Заговорила:

– Хорошо, ответь мне на один вопрос. Ты действительно хочешь поменять что-то к лучшему? Что-то конкретное, чтоб потом жить с этим? Или ты просто, как всегда, против?

Феликс замолчал ненадолго.

– Да, хочу, – проговорил он наконец тихо, понимая в этот момент, что говорит правду. – Да, действительно хочу.

– Хорошо, – Китти встала, оправила чёрный жакет. – Я тебе покажу. Только учти, за это убивают. Без шуток.

12.

Он увидел её в телевизоре. Она вела эту мерзкую передачку, где раньше нёс чушь один из прихвостней Нонине. Что там с ним, авария была на днях? Быстро же вписалась. Просто мигом.

Через пять минут – пришлось выйти покурить, чтоб не сделать чего-нибудь другого, – Феликс понял, что даже не удивлён. Кто такая, в конце концов, Китти Башева? Вечно подстраивающаяся квази-личность, универсальная единица любой системы. За её картонной улыбкой и лаковым глянцем нет ничего – ни единого чувства, ни одного истинного порыва. Только фальшь и вечная мимикрия.

Так что вполне закономерный итог. Разве не понятно было всегда, что они могут быть только врагами?

Вообще, за такое убивать надо, – подумал Феликс, но тут же отмёл эту мысль. Сам не зная, почему именно.

Нет, давайте иначе. Не было никогда никакой Китти. Ему просто привиделось – иллюзия. А от иллюзий надо избавляться.

Решиться было проще, чем сделать. Ничего, это пройдёт – он знал. Трудно только вначале, как при любом расставании, – нестерпимо трудно, но это проходит. Надо только переждать, а дальше, через месяц... два, наверно, можно будет уже не вспоминать.

Да, наверно, он сможет не вспоминать.

Остаток вечера и почти всю ночь он погружённо и ожесточённо писал статью. Следующим же вечером бесцельно бродил по городу: не хотелось никого видеть, разговаривать о чём-то хоть с кем-то знакомым.

Абсолютно вымотавшись, он медленно брёл обратно и был уже довольно близко от дома, когда из подворотни его окликнули:

– Феликс.

Очень тихо, но голос он узнал.

– А, ты? – он в секунду подошёл, порывисто, не понимая в точности, чего ему хочется больше: придушить её здесь же, на месте, или, наоборот, спровоцировать на ответные меры (хотя бы не придётся дальше гасить в памяти ненужные образы). – Следишь за мной?

Китти кивнула:

– Поговорить надо.

Он помолчал, смеряя её взглядом, затем гордо вскинул голову и внятно и отчётливо произнёс:

– Я с ссо-шными мразями не разговариваю.

Китти ничего не сказала, только глаза её потемнели – стали почти чёрными. Когда Феликс – не оглядываясь – отошёл на значительное расстояние, она уже громче проговорила за его спиной:

– Жаль. А то у меня было для вас предложение. И есть основания полагать, что оно бы вас заинтересовало.

Он встал, обернулся:

– И о чём речь?

– Ну, вы же не разговариваете.

Феликс поколебался секунду, подошёл к ней.

– Ну ладно тебе. Говори, – она отвернулась и не хотела на него смотреть. Феликс положил ладонь ей на плечо. – Ну, Китти.

Она наконец повернула голову. Тихо заговорила:

– У меня теперь доступ к внутренней информации и к некоторым базам. Я могу передавать всё это оппозиции – хотя бы тебе лично.

– Но... это же, наверно, опасно? – потерялся он.

– Конечно, опасно, – буднично ответила Китти. – Но, по-моему глубокому убеждению, такие сведения того стоят.

– Нет, подожди, – Феликс вскинул руки. – То, что нам бы это было очень нелишне, это понятно. Мне интересно, зачем *ты* это будешь делать.

– А это вы должны прекрасно понимать и сами, господин Шержведичев, – Китти прошла чуть вперёд, оставляя его за спиной. – Думаешь, у тебя монополия на бессмысленный героизм?

Уже с расстояния она обернулась, чуть громче спросила:

– Так что? Ты подумаешь?

– О чём тут думать, – Феликс в несколько шагов нагнал её. – Да. Разумеется, да. Какой ещё может быть ответ.

Китти чуть улыбнулась уголками губ:

– Ну да, от таких предложений не отказываются? Даже если их делает ссо-шная мразь.

– Китти, – он приобнял её за плечи, осознавая, что сейчас не та ситуация, когда можно просто отшутиться. – Извини, не так понял... Увидел тебя тогда, в телевизоре – что я должен был подумать? – и ещё раз, через силу. – Извини, пожалуйста.

В её глазах промелькнуло какое-то тёмное удовлетворение.

– Извиняю, – она легко вывернулась из его объятия и отошла немного. – Тогда увидимся. Я тебя найду.

Скоро стук её каблучков растворился в темноте. Ещё минута – и где-то близко прошумел отъехавший автомобиль.

– И что, всё дело в деньгах?

– А что ты думал, – заметила Китти. – Что все идейные оппозиционеры?

Перед ними лежали разложенные бумаги из музыкальной шкатулки.

– Нет, ну я понимал, естественно, что чисто идейных и бескорыстных там немного, – Феликс нервно дёрнул плечами. – Но чтоб вот так... И потом, как Нонине это допустила, с её-то паранойей.

– Думаю, она не была инициатором, – задумчиво проговорила Китти. – Скорее всего, это была идея самого Замёлова. Софи она, разумеется, вряд ли нравилась. Но, пока это приносило свои плоды, она мирилась. Когда же у Замёлова перестало получаться, она его грохнула.

– Так, может, это и не она? При таком раскладе?

– Это она, – Китти кивнула. – Конечно, не лично. Через Кедрова или его людей. Но это точно она.

Феликс перевёл взгляд со сводки телефонных звонков на распечатку банковских платежей – все переводы с некоего счёта в течение почти двух лет, один из получателей был обведён в круг чернилами (по всей видимости, самим Замёловым). Эти реквизиты Феликс узнал: общеизвестный в узких кругах счёт, наиболее часто использовавшийся оппозицией. Счёт же, с которого шли платежи, пояснила Китти, периодически задействовала Нонине для разных кулуарных дел.

– А может, всё-таки фальшивка? – Феликс посмотрел на неё почти с надеждой. – Не знаю... коллаж, ретушь. Провокация, в конце концов!

– А это тогда что? – Китти кивнула на третий листок. На нём разместились печатный текст: электронное письмо с подробным перечнем того, кто что сделал на момент сходимки, о чём распространялся и что планировал делать в дальнейшем.

– Было? – она пристально смотрела на Феликса. Он ещё раз взглянул на дату (трёхлетней давности сентябрь), обречённо кивнул.

– Было.

Адресатом письма снова значился Замёлов. Отправителем же – некий Хустик. Это, конечно, прозвище, звали его, кажется, Анатолий Курчатов. Феликс вспомнил теперь, что тот почти всегда присутствовал на сходках, но всякий раз настолько терялся среди лиц и голосов, что в то же время его как будто и не было. И, понял Феликс, об этом человеке он не знал практически ничего, кроме имени (даже облик Курчатова словно расплывался каждый раз перед глазами).

– Слушай, так может, в нём всё и дело? – заговорил он с новым приливом энтузиазма. – Он мог быть засланным и действительно сливать инфу... Ну и всё на этом! А остальное – ну неужели Нонине не могла заказать все эти бумажки, если они ей понадобились?

– Для чего? – сказала Китти.

Феликс подумал:

– Да, действительно, для чего.

– Ты же знаешь, как делается компромат для публики, – Китти взглядом указала на листки. – Это была бы слишком тонкая работа.

– И удар по образу Нонине. Она бы на такое никогда не пошла. Ну а если не она, а Замёлов... Хотя нет, – Феликс прервал теперь сам себя. – Какой идиот решил бы переть против Нонине с какими-то бумажками, – он помолчал, затем уставился на Китти. – Зачем он вообще это сделал? Все эти махинации со шкатулкой?

– Не знаю, – Китти качнула головой.

– Не знаешь... – безнадежно задумчиво повторил Феликс.

– По крайней мере, сводка звонков настоящая. Я проверяла, – Китти поймала его удивлённый взгляд. – После смерти Софи. На той же неделе запросила ещё раз. Мне всё сделали по старой памяти. Там было то же самое.

Она несколько устало осмотрела бумаги. (Один из телефонных номеров – внутренний номер Замёлова – был ею отмечен карандашом).

– Впрочем, я не знаю, чьи это телефоны. Поздно было выяснять. Может, и совсем посторонних. Банковский счёт тоже проверить не могла. Как ты понимаешь.

Феликс поднял бумаги, ещё раз взгляделся в буквы и цифры.

– Слушай... Ты не могла бы передать мне их на пару дней? Мне кажется, я смогу всё это проверить.

Китти посмотрела с сомнением, не сказала ничего.

– Да. Смогу, – повторил Феликс.

13.

Десять часов на башне.

– Да-да, уже здесь! – отозвался он с лестницы: нетерпеливое хождение наверху намекало, что его заждались.

И точно: Вайзонов стоял посреди помещения и смотрел неодобрительно.

– Ты мог бы не опаздывать, хотя бы когда сам назначаешь время?

– Не виноват, совсем не виноват, был у госпожи Мондалевой. А это, ты же понимаешь, святое. Она спрашивала, интересовалась многими вещами... Странными, но для неё наверняка важными. Не мог просто не объяснить всё подробнейшим образом...

– Хорошо, это всё понятно, – прервал Вайзонов. – Давай теперь, что тебе понадобилось от меня.

– От тебя... – он аккуратно, чтоб ничего не задеть, расположился в кресле у небольшого столика. Вайзонов сел напротив, за окном же блестели в утренних лучах Передвижный мост и Часовая башня. – От тебя, Герман, мне потребовалось некоторое такое содействие.

Тот с ровным интересом кивнул.

– Видишь... Пару месяцев назад я разговаривал с госпожой Мондалевой, предлагал ей несколько облегчить задачи её как правителя. В частности, силовой блок. Ну вот зачем этим заниматься лично правителю, когда можно поручить, скажем так, специалисту в более узкой области. Но госпожа Мондалева оказалась в этом моменте принципиальна и выводить даже часть структур из-под своего управления отказалась наотрез.

– Ну, правильно сделала, – Вайзонов пожал плечами. – Я бы тоже отказался.

– Это конечно, конечно, – он охотно закивал. – Только вот идея не выходит из головы... Что, если бы нам сделать параллельную структуру, – он несколько секунд смотрел в глаза Вайзонову. – Неофициально, разумеется.

Тот усмехнулся:

– Хочешь себе личную гвардию?

– Ну нет, почему, – для вида смутился он. – Просто небольшой отряд... Который бы подчинялся непосредственно нам. Потому что, ну, мало ли какая ситуация. А госпожа Мондалева не может уследить за всем.

– Я тебя понял, – Вайзонов снисходительно улыбнулся. – И всё-таки – при чём здесь я? Кажется, недостатка в людях у тебя не должно быть.

– Нет, с этим нет... Контингент есть и вполне подходящий. Мне бы человек нужен, которому можно будет их поручить. Только, знаешь, не «типичный ссо-шник» с не пойми каким прошлым, а кто-то более проверенный и... свой, что ли. Не тупой исполнитель, опять-таки, а человек, который понимает.

Вайзонов добросовестно слушал.

– И?..

– Я подумал – может, у тебя есть кто-нибудь на примете? Ты же многих знавал.

– Как тебе сказать... – протянул Вайзонов. – Будучи предпринимателем и, вообще-то, участником оппозиции, я подобных личностей старался избегать. Это уж скорее по твоей части.

– Ну, у меня все связи в основном в столице, – отнекнулся он. – А тут бы, может, и лучше человека со стороны, который не завязан здесь ни на чём. Нет у тебя такого?

Вайзонов над чем-то раздумывал. Наконец произнёс:

– А ты не слышал о Шелётове?

– Нет, – он слегка подвинулся вперёд и приготовился внимательно слушать.

– С ним я тебя мог бы свести, на самом деле. Правда, насколько он тебе подойдёт, смотри сам – человек это странный. Но, возможно, как раз он тебе и нужен. Я бы сказал, именно что «нетипичный ссо-шник»... В общем, лучше тебе увидеть самому.

Он улыбнулся:

– Был бы тебе признателен.

14.

Дневной эфир закончился. Стрелки показывали полвторого. Китти уже складывала бумаги, когда в дверь осторожно просунулся Павлик.

– Госпожа Башева, – почти шёпотом окликнул он. – Там вас... к телефону.

– Кто?

Он только испуганно указал наверх и поспешил исчезнуть.

Китти подошла к телефону, подобрала трубку:

– Слушаю.

Внимательно выслушав, уточнила:

– Это необходимо сейчас?

Отвечили кратко и положительно.

– Хорошо.

Китти попрощалась, положила трубку на место. Только тут она заметила, что Павлик ушёл недалеко и всё так же боязливо выглядывал из-за двери.

– К госпоже Мондалевой вызвали, – пожав плечами, объяснила Китти.

Когда она уже была у выхода, Павлик подал голос:

– Я могу для вас что-нибудь сделать?

Китти удивлённо обернулась. До сего момента она слышала эту фразу лишь единожды – от Феликса, в конце одной из тех кратких тайных встреч.

– Да ладно. Не на расстрел же я еду.

«Хотя, конечно, интересно, что ей понадобилось», – отметила она про себя.

Павлика, похоже, её фраза не успокоила.

– Вы бы осторожнее в городе, госпожа Башева – он покачал головой. – Мне показалось сегодня утром, что за вашей машиной следили.

Китти кивнула:

– Я знаю.

Лаванда задумчиво перекатывала половинку мела с ладони на ладонь – словно лодка плыла по волнам. Глаза правительницы смотрели мимо, на что-то незримое; солнечные лучи сплетались в её волосах и будто венчали её короной.

– Но она ведь соврала, – произнесла Лаванда.

Гречаев решил, что следует сейчас вмешаться.

– Возможно, конечно, что так, – поспешно заметил он. – Но, знаете, я бы не рискнул утверждать, если бы вы спросили.

Он с готовностью улыбнулся, но Лаванда не заметила. Пришлось продолжить:

– Разумеется, Китти Башева чаще остальных находилась при Нонине, но ведь та была человеком до крайности подозрительным. Едва ли бы она доверила кому-то такую тайну. К тому же в последние часы, насколько это известно, Нонине пребывала в одиночестве. Куда она только не могла деть амулет за это время... Теперь можно лишь гадать.

– Вы думаете?

– Я, видите ли, не утверждаю, – осторожно уточнил Гречаев, – но совсем не удивлюсь, если и Китти ничего не знала.

– Да нет, – прервала Лаванда. – Она знает, где уголь. Знает, но не говорит.

Она недовольно хмурилась, о чём-то размышляя, потом повернулась к Гречаеву:

– Вы не знаете, как сделать так, чтоб человек сказал то, что знает, но не хочет говорить?

– Простите?

– Нет, ничего, – Лаванда снова над чем-то задумалась. – Наверно, нельзя никак. Я только понимаю, что она врёт, но на этом всё.

– Что ж... Судя по прошлым годам, здесь ей мало равных, – Гречаев подобрался к столу, ненавязчиво, как бы невзначай оглядел разложенные книги: «История древностей и реликвий», «Чёрное время: цифры и факты», «Ринордийск в лицах», – что только читает правительница. – То же телевидение... Требуется определённая сноровка, чтоб вести передачи новостей: ведь сказать сегодня одно, а завтра, не моргнув глазом, совсем другое... Не каждый это сможет. Я уже молчу про Софи Нонине: чтобы обманывать её, нужен был, я бы сказал, своего рода талант...

– Странно, что она ещё там, – произнесла Лаванда, будто бы и не ему.

Гречаев замолчал. Второе «простите?» было бы совсем неуместно, но он и впрямь её не понял.

Лаванда подняла голову и, будто услышав его мысли, пояснила:

– Странно, что Китти ещё на телевидении, – она слегка наклонилась вперёд и доверительно уставилась на Гречаева. – Кстати, вы знали? Что она не Башева?

15.

– Ну что... Я проверил, – Феликс стоял на пороге комнаты, но не входил, опираясь спиной о косяк. – Всё именно так.

– Ты проверил те поступления? – несколько удивилась Китти.

Тот усмехнулся:

– Ну... как бывший оппозиционный журналист должен же я что-то уметь.

Сказано было с гордостью, хотя по глазам было заметно, что ему не так легко сейчас это изображать. Феликс вошёл, сел рядом на диван, положив бумаги здесь же.

– Всё так же, как на твоей распечатке. Приходило раз в месяц, около двух лет... Всегда одна и та же сумма. Знаешь, – он мельком настороженно взглянул на Китти, – нам два или три раза подкидывали такими кусками разные сочувствующие личности. Но это было что-то настолько исключительное, что становилось известно всем на ближайшей сходке. А вот про это... – он чуть брезгливо тронул бумагу, – ни разу ни полслова. Тут последний платёж в сентябре, поменьше, чем в прежние разы. По идее, ещё в октябре должен был быть, дата варьировалась несильно, но в октябре не было. А дальше, я так понимаю, грохнули Замёлова.

Китти кивнула:

– Да, я, кажется, поняла что. У Софи было два метода для протестов. Вычисление сверху, чтоб подавить. И вычисление изнутри, чтоб... направить, куда надо, скажем так. Первое было за Кедровым, второе – за Замёловым. Думаю, к октябрю во втором она окончательно разочаровалась.

– И поставила на Кедрова? Похоже на то...

Оба замолчали: каждый задумался о собственных приметах того времени, которое, по обыкновению, пролетело мимо, хлестнув разлетающейся вуалью.

– Что с телефонами? – наконец прервала молчание Китти.

– С телефонами всё плохо. Как и должно было быть, – он поднял распечатку со звонками. – Тут просто. Это сам Хустик. Это Вислячик – он бывал у нас иногда, но больше был по всяким проектам... Иногда помогал, если кто-то попадался: ну, там, вытащить из-под ареста, всё такое... Не всех, конечно, на многих просто забивали. Эти два... Мамлев и Дукатов. Их я вообще не видел вживую, но мы все знали, что во многом они всё организуют... ну и финансируют, понятно, тоже, – он невесело ухмыльнулся. – Разумеется, в нашем кругу они пользовались не такими номерами. Эти, видимо, для других дел.

– А этот? – Китти указала на последний из номеров.

– Этот – не знаю, – Феликс покачал головой. – Прочесал всё, что только было можно. Этого нигде нет.

Китти подчеркнула пальцем последнюю строчку:

– С него звонили в том числе Софи. Это её внутренний телефон.

– За несколько дней до убийства, – Феликс вновь мельком и настороженно глянул на неё. – Я ведь по нему даже звякнул!

– И что?

– Не ответили. Возможно, он вообще уже нерабочий.

– Ты бы всё же осторожнее, – спокойно заметила Китти.

– Так и будем вечно осторожничать? Их осталось только вскрыть поимённо. Потом можно будет действовать уже в открытую.

Китти изобразила намёк на улыбку:

– Рассказать Лаванде?

– Как вариант, – Феликс тряхнул головой. – Если я всё же добьюсь приёма и поговорю с ней лично, это будет даже лучше всего.

Китти промолчала.

– Что? Думаешь, мне она поверит меньше, чем любому из них?

– Может, и так. Прямых доказательств у нас нет. А кроме того, я не уверена, что надо сейчас поминать всё это.

Феликс замолк на пару мгновений.

– Ну отлично, – он поднялся с дивана и заходил по комнате. – Они были в сговоре с Нонине, теперь сидят в правительстве, но давайте не будем это вспоминать: дело давнее, с кем не бывает... Правильно, что.

– Я просто не вижу, что бы от этого поменялось, – сказала Китти.

Феликс вздохнул, прислонился спиной к подоконнику:

– Опять дважды два пять.

– Может, и пять.

– Удивительный ты человек, – с беззлой насмешкой он искоса поглядывал на Китти. – Хранить у себя такой компромат и не думать что-то с ним делать... Шпионить на оппозицию и ни на секунду не верить, что что-то изменится... Да ладно, пять лет вести «Главную линию», зная, какой всё это бред! Так, подожди... – он будто вспомнил о чём-то и резко оттолкнулся от подоконника. – У тебя же по четвергам дневные эфиры. Почему ты не там?

– Меня уволили.

– В смысле «уволители»?

– Указ сверху, – пояснила Китти. – Лично от госпожи Мондалевой.

– Так, – он вновь прошёлся по комнате, засунув руки в карманы, вытащил зажигалку, покрутил её в пальцах. – Понятно. Мне всё же надо к ней заявиться.

– Феликс... – недовольно отмахнулась Китти.

– Что «Феликс»? Так и надо, чтоб она творила, что хотела?

– Я в любом случае собиралась поискать что-нибудь другое. Так что это всё равно.

– Мне не всё равно, – отрезал он. – Завтра я у неё буду. Отвечаю.

16.

«Грифель взял древний и мудрый старик, в чьих словах отражалась жизнь, как в самом ясном, не тронутым пылью зеркале. Он многое видел, многое слышал и мог всё просчитать наперёд. Когда он говорил, он знал, что говорить».

Зазвеневший телефон оторвал Лаванду от захвативших её строчек. Она недовольно поморщилась, но всё же сняла трубку.

– Госпожа Мондалева, – отчего-то смущаясь, проговорила телефонистка. – Тут внизу... ваш кузен... Господин Шержведичев.

– Феликс? – удивилась Лаванда. – А что ему нужно?

– Он хочет о чём-то вас уведомить... Мы сказали, что вы сейчас никого не принимаете, но он утверждает, что не уйдёт отсюда, пока ему не дадут поговорить с вами.

– Да?

Телефонистка как будто спохватилась:

– Но вы, конечно, не обязаны его принимать. Если следует, то охрана...

Лаванда пожала плечами:

– Ну пусть зайдёт. Раз уж он здесь.

– Ну, здравствуй, братишка.

Она сидела здесь, как порождение холодного и совершенного света: такой, наверно, излучают горные вершины. В пальцах как влитая лежала половинка мела; запястье опушилось птичьим браслетом: теперь в нём были и вороны, совиные перья, и перья каких-то вовсе неизвестных птиц.

Всё начало было плыть по течению какого-то горного ручья – такого же льдисто-голубого, как глаза напротив. Феликс тряхнул головой, быстро отогнав наваждение. Он прошёл несколько требуемых шагов и, опершись руками о её стол, выпалил:

– Ты что творишь?

Лаванда невозмутимо моргнула:

– А что я творю?

– Я про Китти. Это ведь с твоей подачи её турнули с телевидения?

– Ну да, – протянула Лаванда, поглядев вопросительно и как будто немного с вызовом.

– Слушай, – Феликс несколько выпрямился, но не отступил назад. – Я понимаю, что у тебя полно претензий ко мне. Но Китти-то тебе что сделала? Можешь ты на это ответить?

Лаванда промолчала и упрямо смотрела мимо него.

– Захотела оторваться теперь? – продолжил он. – Хорошо, я понимаю. Ну так на мне и отрывайся, в чём проблема?

Лаванда нахмурила лоб и недоумевающе потрясла головой:

– При чём здесь вообще ты?

17.

– Да, действительно, при чём здесь ты? – сказала Китти.

Феликс уставился на неё, не понимая. Она продолжила:

– У нас с госпожой Мондалевой старые счёты. Она знает какие.

– Да какие бы ни были, – он опустил с боку на край дивана, не поворачиваясь к Китти. – Я, кажется, всё сказал, что мог, она не стала слушать. В итоге только заявила, чтоб я убирался и что больше меня видеть не желает. Вообще.

– Об оппозиции и Нонине ей не говорил? – осведомилась Китти.

– Не успел.

– Жаль. А то бы она к тебе прислушалась и, конечно, тут же сместила бы этих нехороших людей.

В голосе проблеснула ирония. Феликс обернулся: на губах её бродила знакомая полуулыбка.

– А вместо них взяла бы, – с невинным видом продолжила Китти, – например, тебя.

– Ну прекрати, пожалуйста, – он резко встал с дивана, прошёлся по комнате.

Китти внимательно глядела, очевидно, ожидая продолжения. Феликс остановился.

– Ты не понимаешь. Я девять лет был с этими людьми, был одним из них. Агитировал, призывал... сражался на их стороне. Я... я вырастил это в себе, не взял у кого-то – вырастил сам, я жил этим, я не представлял себя вне этой борьбы, вне этой идеи. А теперь выясняется, что всё это было фальшивкой... игрой в поддавки? Нет, когда они поняли, что им ничего не светит, решили, конечно, попробовать по-настоящему. Ну и что мы имеем теперь? Что крысы одного цвета свергли крыс другого цвета, а я им в этом помог, – Феликс вновь подошёл к окну, сжал пальцами край подоконника. – И сам я – точно такая же крыса, и всё это с начала и до конца – один большой фарс.

– Не преувеличивай, – негромко прервала Китти. – То, что кучка интриганов использовала идею в своих интересах, не дискредитирует саму идею.

Феликс обернулся на неё.

– Я потому и думал... Потому и хотел, чтоб это не закончилось вот так. Я же знаю, что там были и люди вроде меня. Если хоть какое-то из наших дел что-то значило...

– Кстати, Нонине в итоге свергли вы. А не «крысы».

– О да, – рассмеялся Феликс. – А уж госпожа Мондалева – целиком на моей совести.

Он обошёл диван, упал на него навзничь позади Китти.

– Меня повесить надо.

– По таким меркам нас всех надо повесить, – Китти не глядя потрепала его по волосам. –

И не единожды.

Тикали минуты. Где-то за окном фонари приглушались в мягкой тени и глухо рокотали на трассе машины. Зеленоватый отсвет города лился на потолок.

– Что будем делать? – спросил Феликс.

– Есть варианты?

– Всё обнародовать.

– Расклеить по стенам.

– Захватить телестанцию.

– Лучше сразу Ринордийск.

– Набрать кандидатов и перевыбрать правительство.

– Ты бы пошёл? – неожиданно поинтересовалась Китти.

– Нет, – Феликс покачал головой. – Нет, не смогу. Не хочу.

– Вот и я нет.

– А что? У тебя бы неплохо вышло.
– Нет, – всерьёз сказала она. – Сразу нет.

Феликс помолчал.

– Что теперь с работой будешь делать?

– Не думала пока. Поищу что-нибудь другое.

– Может, к нам?

– Посмотрим. Пока отдохну просто.

– То есть получается, – Феликс встал с дивана, – с одной стороны у нас бывшие информаторы и соучастники Нонине на высших постах, с другой – Лаванда, для которой нас всех и наших проблем просто не существует.

– Вот поэтому я и не говорила про бумаги, – тихо сказала Китти.

(«На самом деле мы ничего не можем. С нами кончено», – неммым послесловием отозвался жёлтый комнатный воздух).

Где-то в отдалении прогудела большая машина, и вновь тишина. Лишь назойливо свистел ветер.

Феликс остановился у стола: он разглядывал конверт и фотографию. Китти смотрела в сторону, делая вид, что не замечает.

Феликс поднял фото:

– Анонимка?

Китти неохотно кивнула.

– И чего ты молчала?

– А смысл?

– Смысл... – он отложил фотографию, снова присел рядом на диван. – Ты понимаешь, что могут перейти и к действиям? Это быстро.

– И что? – Китти пожала плечами. – Маму я уже переправила за границу. Хотят мстить за что-то мне лично – пожалуйста.

18.

Ринордийск замело снегом.

Белые дорожки протянулись по Турхмановскому парку: затихшему и безлюдному в это время года. Феликс прошёл по ним к пустым траншеям, что летом были фонтанами. Здесь, у припорошённого бортика он нередко ожидал кого-нибудь в прошлые годы, чтоб встретиться без свидетелей: зимой это место не привлекало ничего внимания. Статуя девы и мантикоры стояла, подёрнутая дымкой изморози, как в тяжёлом дремотном забытии.

Он задержался ненадолго, прошёл дальше – к высоким решётчатым воротам, к выходу из парка. Чёрные прутья мёрзло скрипнули, неохотно выпустили наружу – к сугробам и белым, как сугробы, домам. Позади же, на дорожках уже заметало его следы.

Это было царство молчания. Улицы узко тянулись меж извилистых и длинных зданий, и казалось, нет конца лабиринту, что сплетался совсем не так, как должен был в действительности. Феликс несколько раз пытался свернуть к Главной площади или улице Кобалевых, но каждый раз терпел неудачу: только улицы тянулись всё вдаль и белой змейкой вилась позёмка.

Окна в домах были заперты и не горели; впрочем, ещё стоял день. Странно, правда, что совсем не было людей на улицах, ни одного. Даже в самую яростную метель попадётся навстречу один-два прохожих...

Когда он долго ходил по городу зимой, становилось несколько не по себе: Ринордийск начинал казаться странным, отчуждённым... как будто не вполне живым.

Будто порождённое этой мыслью, перед Феликсом, в проёме домов выросло настоящее кладбище. Он бросил взгляд направо и налево, прикидывая, как бы обойти это место, но обходить здесь, похоже, было негде. В минуту кладбище вымахало до размеров огромного поля и протянулось в обе стороны, сколько хватало глаз.

Что ж, ладно. Он вспомнил: где-то там стоит склеп, из которого тайный ход ведёт к холмам по ту сторону реки, вот выход из ловушки лабиринта. Феликс двинулся вперёд, на поиски.

То с того, то с другого боку вставали ровные и чёткие контуры камней и уплывали, оставаясь позади. На одном из них, светлом, слегка присыпанном снегом, кто-то сидел.

Феликс приостановился, задержал взгляд. Чёрный изящный силуэт сложно было разоб-
рать издали. Похоже, он даже не касался земли, но удерживался легко и непринуждённо.

– Эй! – окликнул Феликс. – Чей это камень?

– О, кто пожаловал... – с нарочитым удивлением протянул силуэт.

Феликс шагнул ближе:

– Дай мне посмотреть.

– Кого-то конкретного ищешь? – неизвестный плавно повёл рукой. – Или так просто?

Было что-то знакомое в этом жесте... Феликс притормозил в недоумении.

В это же время всё будто дёрнулось, поплыло туманом, начало неотвратимо блёкнуть.

– Лила, – проговорил напоследок силуэт. – Её звали Лила.

Он открыл глаза. Полежав немного в темноте, поднялся, переместился к столу. Открыл ноут – тот тут же засветился приглушённым сиянием.

Феликс не любил кладбища – не настолько, конечно, как разрушенные дома, но тем не менее. Надо было немного успокоиться.

В интернете не было сейчас ничего нового, но знакомые страницы и записи возвращали к привычной реальности. Это всегда так бывает – хорошо, что этот агрегат снова у него.

...Тогда, летом, в день его рождения, Китти позвонила в дверь. Они успели поссориться за несколько дней до того (видимо, отвыкнув встречаться чаще раза или двух в месяц), и Феликс не ждал её.

- Я ненадолго, – сразу заявила Китти. – Просто кое-что принесла. Что-то вроде подарка.
- Весьма заинтригован, – усмехнулся Феликс. – И что же это?
- Во-первых, вот, – она достала из двойного пакета и поставила на стол его ноутбук. – Думаю, успел соскучиться.
- Я думал, его уже расчленили, – Феликс невольно улыбнулся, как старому товарищу.
- Нет, стоял в хранилище в целостности и сохранности. А во-вторых, – она вытащила из сумки какой-то свиток, – вот это.
- Феликс недоумённо принял в руки желтоватую, сложенную гармошкой бумагу.
- И что это?
- Список Нонине, – Китти проследила, как он чуть не выронил свиток, но подхватил обратно. – Все, кого она успела записать углём перед смертью.
- Феликс бегло просмотрел выведенные чёрным фамилии.
- А почему мне-то?
- Хотя бы потому, что ты там есть. Меня – нет.
- И что мне с ним делать?
- Не знаю, что хочешь, – Китти улыбнулась. – Это же твой подарок.
- Вслед за этим она развернулась, шагнула к дверям:
- Ладно, пока.
- Может, останешься? – кинул вслед Феликс. Китти остановилась.
- Ты хочешь, чтоб я осталась? – спросила она – похоже, и впрямь удивлённо.

Список он тогда отдал Лаванде. Глупость, конечно, сделал, что уж теперь говорить.

Феликс откинулся на спинку стула, неудовлетворённо оглядел стол вокруг ноута. Будто чем-то здесь можно было теперь помочь. Понятно, вряд ли Лаванда что-то сотворит со свитком, но всё же не было в этом ничего хорошего и добавляло поводов для смутной тревоги.

Будто их не хватало и так.

Он мельком глянул за окно, отвёл взгляд. Может, следовало всё-таки остаться у неё, мало ли? Китти же никогда не скажет, если трудно или страшно, не подаст даже виду. А ему всегда было спокойнее, если рядом – кто-то живой.

(Да, так и началась вся эта история с Лавандой...)

Ладно, условился Феликс, завтра утром. Утром придёт к ней и заявит, что остаётся на неопределённый срок. Может, это ничего и не изменит, но оба хотя бы будут в курсе, где другой и что всё в порядке.

С сомнением он посмотрел на телефон; поколебавшись, решил, что сейчас не время. Завтра утром.

19.

«Иногда я просыпаюсь от резкого шума: будто пули бьются о железную стенку. В самые же плохие ночи я понимаю, что это лопата стучит о камень».

Она лежала, глядя в потолок над собой. Он мерцал, чуть менялся в плывущих тенях, и казалось, там кто-то живой, смутно знакомый: исчезающие фигуры среди ветвей колдовского леса. Она проследила, как тени наплыли и перетекли друг в друга, прикрыла глаза.

Бродя между барачков, Рита бесцельно обшаривала взглядом всё вокруг: не то чтоб она наделась что-то найти, но всё же в глубине души цеплялась за эту возможность. Бездействие гнело её, и казалось, что угодно было бы лучше.

– Где норма? – рявкнул невдалеке чей-то грубый голос.

Ему что-то отвечали: было не разобрать.

– Если не будет до темноты, будешь иметь дело со мной.

Рита остановилась у барака, настороженно разглядела из-за угла. Охранник уже отошёл, почти же на земле сидела каторжанка: ещё не старая, но определённо в возрасте. Рита мельком бросила взгляд по сторонам, подошла к ней.

– Чего от тебя хотел этот скот?

– Мне надо свить все эти верёвки... – тихо проговорила та. – До темноты я не успею.

– Это ничего... Дай-ка, – Рита опустилась рядом с ней, взяла моток тонких верёвок. – Как это делается... Так просто?

– У меня пальцы уже почти не гнутся, – оправдываясь, пояснила каторжанка. Рита, не прерывая дела, попыталась улыбнуться ей:

– Ну, не плачь, – дыхание паром вырывалось в холодный воздух, но по-настоящему зима не притронулась к этой земле – видимо, отошли к югу. – Как тебя зовут?

– Лила...

– Лила. Вот и чудесно. Вместе сейчас всё успеем, – она истосковалась по действию, действию, и монотонная работа в эту минуту была ей почти в радость.

Новая знакомица смотрела на неё, как будто не веря.

– Ты... ты ангел? Да?

– Нет, – Рита всё же невольно улыбнулась. – Я не ангел...

Они управились больше чем с половиной, когда вновь подошёл охранник.

– Эй ты! – Рита сделала вид, что не слышит. – Ты, ты! Тебя освободили от работ.

– Я не для вас работаю, – огрызнулась она, не оборачиваясь, хотя он стоял сейчас прямо за ней. Лила испуганно протянула руки, то ли порываясь забрать у Риты верёвки, то ли просто в немом «не надо!»

– Успокойся, – проговорила Рита. – Пока я здесь, они тебе ничего не сделают.

Замешкавшийся было охранник всё же рывком поднял её. Обычно они избегали и этого, но, видимо, он не знал, что предпринять.

– Ну я же сказал, эту не трогать, – из ниоткуда появился Эрлин. Как всегда «вовремя».

– Но она, – тот растерялся совсем, – она не выполняет!

– Оставь, – бросил ему Эрлин. Когда охранник отошёл на два шага, обернулся уже к Рите. – Почему бы вам не вернуться в барак, фройляйн? Скоро темнеет.

– Сначала я помогу ей, – сложив руки на груди и сверля взглядом землю, она упрямо застыла на месте. – Я обещала.

– Значит, по видимости, придётся нарушить обещание. Шестнадцатый пустует? Вот туда.

– Я никуда не пойду! – она отступила немного, когда охранник направился было к ней, готовая царапаться, кусаться, если понадобится. Конечно, это не сильно поможет, но совсем даром им не пройдёт.

– Рита, – оказавшись позади неё, Эрлин говорил ей почти на ухо, – ну, ты же понимаешь, что каждый твой взбрык скажется на ней. А вовсе не на тебе, – когда она обернулась, он изобразил улыбку. – И не смотри так, будто для тебя это новость.

Вновь подошёл охранник, и Рита последовала за ним, но через несколько шагов оборотилась.

– Лила! – кинула она напоследок. – Я тебя найду. Слышишь? Обязательно найду!

Барак окружил тишиной и полумраком, дверь позади шумно закрылась. Рита тут же попыталась отпереть её снова, но замок был надёжный. Расцарапав о дверь запястья и ещё несколько раз ударившись о неё от безнадёжности всем телом, она отступила вглубь, упала на подобие лежанки.

Хотят держать её взаперти – пусть держат. Главное, не забыть потом, не забыть, что обещала, не забыть о...

– Лила, – по-прежнему глядя в потолок, проговорила Китти. – Её звали Лила.

Похоже, сегодня ей вновь не заснуть.

Она встала, поставила вариться кофе – обречённо-привычная последовательность движений, где не будет никаких перемен; пока он готовился, на минуту включила телевизор. Ничего нового, повторяют дневной выпуск: про то, как некая Китти Башева работала на тирана и узурпатора Нонине, про то, как она по-прежнему занимает должность на государственном телевидении (ах да, уже не занимает... ну так, значит, занимала) и даже всё ещё пользуется казённым транспортом в личных целях, и кстати, а за какие заслуги... и т.д., и т.п. Всё это она слышала за последние дни уже неоднократно и из опыта знала, как набирают оборот подобные сюжеты – что обычно всплывает, в какой последовательности пускается в дело... Всё так же, как с десятками других, – ничего нового.

Она налила кофе, выключила телевизор. За окном ползла густая матовая синь с провалами чёрного. Она ничего не обещала – ни участия, ни справедливости – она лишь ползла, как и без того должна была ползти.

Китти и не ждала особо.

Она сняла шкатулку с подоконника, осмотрела её, аккуратно докрутила до упора маленький ключ. Помедлив, – каждый раз как будто через силу – открыла крышку: из недр прянула нежная печальная мелодия, перепетая отрывистыми звеньканьями колокольчиков. Слова же Китти знала и так.

*«Почему вы сегодня так грустны, моя фройляйн,
Почему так тревожно поёт на душе...»*

Она оставила шкатулку играть на столе, сама же вместе с кофе вышла на балкон. Там воздух был свежее.

Она подняла чашку ко рту, поняла, что не может пить это тёмное. Оно слишком сильно пахло кофе – неприлично сильно. Будь это какое-нибудь невнятное варево – какое им могли раздавать в ссылке, – она бы, может, попробовала, но вот это...

Китти напомнила себе, что многие другие, не лучше её, возможно, в эту самую минуту распивают дорогие вина, и всё же отхлебнула немного.

Её чуть не стошнило от этого глотка. Прижав руку ко рту, она несколько минут боролась с организмом. В итоге спазм отступил, но делать ещё попытку совершенно не хотелось. Китти отставила чашку, вернулась в комнату.

Мелодия уже доиграла. Китти завела шкатулку повторно, затем разрешила себе упасть на диван и заложила руки за голову.

И ещё раз –

«Почему вы сегодня так грустны, моя фройляйн...»

Это можно продолжать до бесконечности.

Тени вновь начали наползать на потолок, навязчиво сплетаться во что-то, как в бреду. Колокольчики – чики-чики – поют о неизвестном, невозвратимом, но не твоём, но не тебе. Тебе – только тени на потолке.

Поняв, что всё равно не уснёт, Китти вспомнила о машине на стоянке. Почему бы и нет. Как будто никто сейчас не мешает.

Она поднялась и стала переодеваться в уличное.

20.

Слева за стеклом проплыл и скрылся Передвижный мост.

– Человек это, конечно, не без странностей, – он рассеянно скользил взглядом по фонарям снаружи и изгибам дороги. – Но мне он, пожалуй, нравится. По крайней мере, небольшой отряд... Это бы я ему доверил.

– Очень рад, что смог тебе помочь безвозмездно, – ровно проговорил Вайзонов, не отвлекаясь: он вёл машину.

– Ну что значит «безвозмездно»... Может, и тебе что-то понадобится весьма скоро, откуда ты знаешь? Это ведь такое дело... заранее не предскажешь.

Вайзонов только ухмыльнулся на это. Поэтому можно было продолжать.

– Скажи, а нет за ним, случайно, какого-нибудь... *тёмного прошлого*? – он нарочито пафосно повёл рукой.

Вайзонов помолчал ещё немного, кратко качнул головой:

– Сомневаюсь, что у него вообще есть какое-нибудь прошлое. Шелетов – явление по-своему уникальное. Служил по большей части в глубинке – то на югах, то на востоке... И везде, где отвечал он, распоряжения сверху выполнялись безукоризненно, но о нём самом как о человеке сложно сказать что-то определённое. В последнюю южную войну за ним была территория на подступах к Ринордийску, а это что-то да значит.

– О, – он важно поднял палец, – ну, это серьёзно.

Они ехали вдоль набережной. Слева, с открытого водного пространства то и дело вспыхивали яркие огни.

– А кто там сейчас на обыске за главного? – вдруг встревожился он. – Надеюсь, не тот дебил Клементинов?

– Он самый, – кивнул Вайзонов.

Он недовольно цокнул.

– Надо было, конечно, проследить мне лично... Замотался. Надеюсь, ему хватит ума никак ничего?.. Скандалы нам были бы абсолютно ни к чему, – слева проплыл фонарь, осветил ограждение внизу. – Подожди!

Автомобиль остановился.

Он, прищурившись, взгляделся в фигуру возле фонаря.

– Это ведь она? Да?

– По крайней мере, машина её, – Вайзонов кивнул на припаркованное на противоположной обочине авто.

– Вот человек, – он удивлённо покачал головой. – Её сейчас фанатики от любой из сторон прикончили бы за просто так. Хоть бы охрану себе наняла.

Потеребив, он отстегнул ремень, потянулся к двери.

– Ты надолго? – поинтересовался Вайзонов.

– Сейчас вернусь... Поговорю только с ней.

Китти стояла, облокотившись на ограду и низко склоняясь над водой. Она не подняла голову на звуки шагов, даже когда он подошёл совсем близко.

– Доброй ночи, Китти, – проговорил он с улыбкой.

– Доброй ночи.

Он прислонился к ограде рядом, с видом ценителя огляделся по сторонам.

– В этот час здесь особенно красиво. Не правда ли? Все эти мосты в огнях... перевёрнутые улицы в реке... Тишина, – она не ответила. – Успокаивает, наверно?

– Некоторых, вероятно, да.

– Время, конечно, сейчас нелёгкое пошло, – он сочувственно вздохнул. – Впрочем, когда оно было лёгкое... «И все ночи без сна жду гостей дорогих», всё такое... Ну, это классик, – мельком улыбнулся он. Китти задержала на нём взгляд чуть дольше, потом снова отвернулась. Но она поняла, это было видно.

– Что же... Чтоб не мешать наслаждаться прекрасным видом, я, пожалуй, попрощаюсь? Посмотрев на него ещё раз, Китти кивнула:

– До свидания.

Когда они с Вайзоновым отъехали за угол, он поднял руку:

– Подожди... Постоим немного.

– Ну и зачем ты ей сказал? – довольно равнодушно спросил Вайзонов.

– Немного подтолкнул, что такого. Сейчас будет прямо там.

– Не легче было отвезти?

– Чтоб я утратил у неё всякое доверие? – он тихо рассмеялся. – Зачем так, побуду лучше тайным доброжелателем... А что слишком поздно – так кто ж это мог знать.

Ответа не последовало, и они продолжали сидеть в тишине. Через минуту Вайзонов всё же нервно зашевелился:

– Так что? Двигаем?

– Погоди...

Ещё минута – позади, у реки раздался гул мотора, и автомобиль прошумел вниз по набережной.

– О, – он поднял палец и кивнул Вайзонову. – Что-то ещё соображает. Вот теперь можем ехать.

Китти съехала с большой дороги чуть раньше, чем обычно, и подобралась к дому дворами.

«Опоздала».

Со стороны казалось, ничего особенного, но, если приглядеться, можно было заметить блуждающие фонарики в полумраке за стеклом.

Хотя, может, и вовремя. Это как посмотреть. Бумаги, конечно, уже не спасти, но вернись она чуть раньше, было бы хуже.

Ничем себя не выдавая, она окинула взглядом машины вокруг: то особое чутьё, что не могло не появиться при службе у Нонине, подсказывало, что ожидают с нескольких сторон. И точно, позади прошуршали колёса: автомобиль чуть подвинулся и перекрыл въезд во двор. Всё же заметили.

Был второй въезд с другой стороны дома, и ещё ворота, туда она не поехала. Вместо этого двинулась, погасив фары, вдоль невысокого забора и заросших кустов самшита. Она знала эти дворы – возможно, даже лучше, чем её гости, – и, если так, имела небольшое преимущество. Там, где забор прерывался, проход загораживали зелёные коробки старых гаражей. Два из них были развёрнуты и почти сходились под углом, между ними оставался зазор как раз такой ширины, чтоб могла протиснуться маленькая машинка. Дальше же, за гаражами, расплылся огромный пустырь.

Со стороны дома – видимо, там поняли план – взвыло второе авто, но оно было теперь слишком далеко. Китти пересекла пустырь по дуге (под колёсами хрустели и давились осколки битого стекла), миновала соседние жилые дома, спрятавшись за их длинным рядом (окна почти не горели – лишь одно-два на верхних этажах), и, наконец, выехала к трассе много дальше того места, где свернула во дворы. Осталось преодолеть насыпь...

Здесь гарантий быть не могло. Однако машина взобралась по сыпкому гравию, вздохнула, грузно перевалилась на ровный асфальт. На пустыре замелькали тени, заматались шумы и лязги, но Китти уже мчала сквозь ночь вниз по трассе.

21.

Она притормозила, немного не доезжая до Северного обходного тракта. Здесь пошла уже совсем окраина, и дороги разлетались широким веером, незастроенное пространство больше не мешало им. В ночном небе горело неоновым светом табло автозаправки.

Здесь следовало на минуту остановиться. Первым делом она сняла все оставшиеся деньги с карточки. Заблокировать не поторопились – что ж, отлично. Вторым – нашла телефон-автомат и набрала номер Феликса.

Там соединились после второго гудка, но ничего не было слышно. Рискнув, она всё же сказала в трубку:

– Это я.

Несколько секунд длилось молчание, затем отчего-то сдавленным голосом:

– Где ты?

– Там, где надо. Ты сейчас в квартире?

– Да.

– Не выходи по возможности. И вообще осторожнее. Я дам знать.

Она положила трубку. Симку же из своего телефона вытащила и выбросила в мусорный бак. Если что-то отследят... Может, решат, что она направилась к северному вокзалу.

На самом же деле её путь лежал в совсем другую сторону. По здравом размышлении, вырисовывалось только одно место, где ей можно было укрыться на два-три дня.

«Судьба, наверно, – усмехнулся призрак на заднем сидении. – Перед тем как пускаться в бега, навещать старый дом за городом».

Что ж. Хорошо, что это место есть.

Дэня Эрлин удобно расположился на продавленном диване и уже третий час пялился в экран телевизора. Не то чтоб это было по-прежнему так интересно, но метка «18+» в углу напоминала, что плод запрещен: в городе, под чутким руководством так уже не посмотришь, разве урвёшь минуточку-две.

Тем более скоро дом продадут, так что летом сюда уже не приедешь, а потом его самого запихнут в какой-нибудь вуз позвучнее, и всё, попалась, птичка...

Ну так хоть оторваться напоследок!

В полупустом доме гуляли шорохи и скрипы половиц, даже телевизор не особо глушил их. Внизу вдруг послышался отчётливый стук. Дэня подумал было, что это предки всё же нагрянули посреди ночи, и хотел уже вздохнуть с досадой, но нет, это не ключ... стучали как будто в стекло. Потом раздался громкий визгливый скрежет. Дэня вдруг вспомнил, что открывал окно внизу, на веранде, но забыл напрочь, закрыл его или нет.

Воры? Или ещё кто похуже?

Тройничок на экране делал что-то весьма любопытное, но было уже совершенно не до них. Дэня испуганно осмотрелся, на всякий случай прихватил с телевизионной тумбы нож для фруктов. Вооружившись им, он осторожно высунулся из комнаты.

Шума внизу уже не было слышно. Только гудел ветер.

Ну конечно, ветер! Вперемешку с телевизором мало ли что почудится. Но всё же было не по себе от глухого молчания на лестнице и внизу, раньше Дэня его не замечал.

Осторожно, крепко сжимая нож, он спустился по ступенькам, заглянул в соседнюю комнату.

Дверь на веранду была открыта. На пороге стояла девушка – брюнетка в чёрном, с зализанными назад волосами... типичная такая офисная девочка.

– Здравствуй, Дэня, – сказала она.

– Ты кто? – ошарашенно выпалил он.

– Твоя кузина, – девушка сделала шаг вперёд. – Китти. Если ты меня помнишь.

– Не помню, – он тут же помотал головой. – Или подожди... Китти... Мне, кажется, про тебя что-то рассказывали.

Показалось вдруг, что он где-то её видел... По телевизору, может, или на фотографиях. Хотя нет – наверно, всё же показалось.

– Но ты должна быть лет на десять меня старше! – вспомнил Дэня.

Девушка формально и холодно улыбнулась.

– Спасибо, мне двадцать семь. Не приютишь на пару дней?

Дэня, конечно, повыпендривался и старался смотреться нарочито развязно, но снова включать порно при ней, видимо, стеснялся, поэтому довольно скоро свалился на свой диванчик и забылся сном.

По правде, Китти не ожидала, что он здесь будет. Это несколько портило её планы, впрочем, менять что-то было уже поздно.

Почти бесшумно она сошла по лестнице вниз. Дом по-прежнему помнил её, он знал её, как она знала его, как знают нелюбимого кровного родственника, с которым жизнь столкнула в очередной раз и связала вас теперь крепко-накрепко. И нет уже ни злобы, ни желания поспорить с судьбой, только обречённое «ну давай... попробуем».

Дверь в архив теперь не была заперта, только неплотно закрыта. Да и не архив это был больше. Стол, разумеется, поменяли, поставили светлый, дсп-шный, такой и завалить чем-то сложно, чтоб не сломался. Сменили и окно с подоконником – сейчас они были новые и пластиковые. Показалось на мгновение, что запах дыма сохранился, впитался в стены, но нет... конечно, нет. Даже обои поклеили другие.

Будто и не было ничего.

«А теперь, ребята, дружно всё забыли».

Китти подошла к окну. Там, за стеклом царила ночь самого конца октября – чёрная, как бездонный омут, в который падаешь от головокружения. Разве где промелькнёт тусклый огонёк – продрогший, слабый, пытающийся согреть хотя бы себя. И знаешь, что стоит ему догореть, и он исчезнет насовсем. Здесь только ветер поёт свою бесконечную песню.

Образ на стекле, более тёмный, чем обычно, накладывался поверх и тоже вливался в ночь. Некто в чёрном: довольно изящный вид, бледная кожа, правильные черты лица. Только глаз не видно, вместо них – чёрные провалы.

Она никогда не любила всматриваться в своё отражение.

Китти отошла и отвернулась от окна. Но посмотрите же, какой сюрприз... На столе по-прежнему лежал знакомый маленький блокнот.

Китти с лёгким удивлением оглядела пустые места за шкафами и под столом, но других бумаг не обнаружила. Как же он-то сохранился при пожаре...

Она присела у стола, некоторое время просто смотрела на записную книжку. Но нет, не взять блокнот она едва ли могла – не открыть, не пролистать, не остановиться на случайных страницах. Впрочем, буквы она почти не читала – зачем, когда всё знаешь и так. Зацепилась только раз за фамилию «Кнельсон» (Ли́ла, её звали Ли́ла) и почти без интереса дошла до конца – дальше были нетронутые белые листы.

Последняя запись... Нет, даже не план побега за рубеж, просто какая-то случайность, чепуха мелкого бытового характера. Разве так заканчивают дневники, пусть бы и самые личные?

Китти подумала и даже улыбнулась втайне той мысли, что у неё зародилась. Пожалуй, здесь очень не хватает жирной точки. Пожалуй, она может её поставить.

Она поискала ручку. В собственных карманах не было. В жакете, вспомнила она. Жакет остался в машине.

Идти туда ради такой мелочи не хотелось. Она с надеждой окинула взглядом стол: может, завалялась местная...

– Наверху, на полке, – подсказал призрак.

Китти привстала на цыпочки, чтоб достать: действительно, именно там... И только тут поняла, что голос прозвучал как-то слишком уж явственно. Она обернулась.

Несколько секунд молча обзревала, затем с интересом склонила голову:

– Может, подойдёшь, раз уж пришёл?

– Не в этот раз, – тот вежливо улыбнулся. – Мы ведь пока не заканчиваем игру?

– Пока нет. Но когда-нибудь закончим.

Она отвернулась, села за стол. Открыв последнюю исписанную страницу, подумала немного, затем мелко, тем же почерком и с теми же сокращениями застрочила чуть ниже.

Если дом и правда продаётся, как она успела узнать от Дэни, то это немножко забавно. Вряд ли, конечно, новые жильцы обратят внимание на всякие старые бумаги, тем более станут досконально копаться в блокноте... Но всё же такая возможность приятно грела душу. Если узнают, что делал, пусть знают, и чем закончил. Она-то знает...

Призрак склонился над её плечом и подсматривал. Это не мешало: Софи тоже любила так нависать и смотреть, что она пишет. А сейчас ей даже не надо было придумывать на ходу. Дописав, Китти аккуратно закрыла блокнот, положила его ровно на то место, где он лежал. Затем снова встала на цыпочки, чтоб вернуть ручку на полку.

– Можешь оставить себе, я не против, – лениво протянул призрак.

– Спасибо, не в моих обычаях брать чужое, – холодно отозвалась Китти.

– Да-да... – с чуть заметной усмешкой прокомментировал тот. – Особенно чужие шпильки.

Китти обернулась:

– А *шпильку*, господин Эрлин, вы и сами украли. Так что не надо инсинуаций.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

22.

Утреннее солнце тихо трогало шкатулку, и та казалась почти светлой, с чёрными росчерками, как у ствола берёзы. На самом деле цвет её был глубоким дымчато-серым – замороженный и печальный цвет тумана над дальней рекой. На прямоугольной крышке сплетались узором безлистные замороженные ветви.

– Красивая... Она стояла у Китти?

– Именно так, госпожа Мондалева, – не отходя далеко от дверей, подтвердил Гречаев. – На квартире нашли несколько любопытных вещей... Может, желаете ознакомиться с остальными?

– Не сейчас.

Лаванда осторожно покрутила шкатулку в руках, осмотрела её с боков, затем даже открыла, но была разочарована: там ничего не оказалось.

– А скажите, внутри здесь так и было пусто? – она вскинула взгляд на Гречаева.

– Мм, – он на секунду поднял палец, как бы припоминая. – Насколько мне *известно*, в отчёт была записана только шкатулка, без всякого наполнения. Но это, конечно, не исключает той возможности, что кто-то мог... скажем, воспользоваться ситуацией, – он с беспокойным любопытством посмотрел на Лаванду. – Вы думаете, там могло что-то быть?

– Это похоже на тайник, – проговорила она. – Но не для угля... Я не стала бы прятать здесь уголь. И она бы не стала прятать.

Гречаев с видимым пониманием кивнул – хотя, Лаванда видела, мало что понял.

– Я постараюсь всё это проверить, госпожа Мондалева. Это ведь такие люди... за ними нужен глаз да глаз. Любят, знаете, по привычке устраивать междусобойчики.

– Да. Это плохо, – рассеянно кивнула Лаванда.

Под днищем она нащупала маленький ключик и несколько раз осторожно повернула его. Что-то щёлкнуло внутри шкатулки, а затем из неё полилась мелодия – неяркая, но трогаящая, как мотив шарманки. В ней был надрыв и было что-то светлое, но уже далёкое.

– А, – Гречаев улыбнулся и подошёл ближе. – Колыбельная...

– Вы знаете эту песню? – удивилась Лаванда.

– Да, когда-то она была весьма популярна, – Гречаев переждал несколько тактов, промурлыкал. – «Может, тающий снег и без знаков могила отразились вам вдруг в зеркалах...» Чудесная вещица, – он указал глазами на шкатулку. – Всё же наши предки ценили красоту куда больше.

Лаванда беспокойно вглядывалась в дымчатые стенки и недра механизма (в щёлку было видно, как вращается маленький валик). Музыка тревожила её, как будто вмешивалась в понятную ей теперь действительность и неуловимо меняла что-то, оставляя всюду искажённый излом, делала неполным, несовершенным...

– Скажите, а это правда колыбельная? Или её только так называют?

– М-можно сказать, что и правда, – повременив, заключил Гречаев. – Если верить слухам, она была написана для одного, вполне конкретного человека – уже после его смерти. Старая история... Если хотите, я расскажу вам как-нибудь.

Не отводя взгляда от «вещицы», Лаванда покачала головой.

– Мне не нравится эта песня, – она повернулась к Гречаеву, показала на шкатулку. – Можете забрать её куда-нибудь?

– Разумеется, госпожа Мондалева. Как вы скажете.

К утру Китти стало ясно, что дальше придётся укрываться в каком-нибудь другом, пусть и менее комфортном, месте. Это её дальний родственничек мог спокойно сбагрить архив младшему брату, зная, что тот ничем не выдаст. Китти не могла быть столь уверена.

После объяснения, что ни в доме, ни поблизости она не появлялась, Дэня возмутился:

– А с чего это я должен тебя покрывать?

– Потому что в обратном для тебя не будет никакой пользы, – Китти положила перед ним несколько банкнот.

Судя по округлившимся глазам Дэни, для него это была невиданная сумма, но он всё же вновь посмотрел на Китти. Взгляд теперь был полон подозрения.

– А откуда я знаю, зачем тебе это. Может, ты от властей скрываешься!

– Да, скрываюсь, – ровно ответила она. – И именно поэтому для тебя будет лучше не распространяться. Проболтаешься – затаскают по инстанциям как родственника. А так ты не при делах.

Дэня всё же поломался для вида ещё немного, но в итоге согласился и взял деньги – взамен дав обещание молчать.

23.

Все три бумажки легли на стол.

– В шкатулке? Да, это всё-таки была шкатулка?

– Именно. Как он и намекал.

– Бинго, – с явственным облегчением выговорил Дукатов и удовлетворённо откинулся на спинку стула.

У остальных тоже заметно просветлели лица.

Обозрев эту забавную картину, он наконец помешал свой чай и вытащил серебряную ложку, чтоб та обсохла.

– Что ж, поздравляю нас всех, господа. Такая удача улыбается далеко не каждый день, и это нужно ценить.

– А как ты вообще понял, что они у неё? – спросил Вислячик, глядя на него почти с восхищением.

– Ну, это же... Легче лёгкого: при том месте, что занимала Китти Башева, подобные бумаги с большой вероятностью могли через неё пройти. А дальше... проба дала результат – даже раньше, чем мы ждали. Человеку, который так дёрнулся от простой фотографии, явно есть что скрывать, – он улыбнулся и повёл в воздухе ложечкой. – Психология.

– Не надо, однако, забывать, что сама она сейчас неизвестно где, – не поднимая взгляда, проговорил Вайзонов. – И когда это будет выяснено, совершенно неочевидно.

Он быстро нахмурился, скорее раздражённо, чем от мрачных мыслей.

– Это всё Клементинов. Упускать практически из-под носа – ну как так можно... Думаю, если она проявится ещё раз, когда здесь будет Шелетов, подобной ситуации не возникнет.

– А если она проявится раньше? – кинул Вайзонов, но его громко прервал Дукатов:

– А если она передала кому-то ещё? И этот кто-то сварганил копии? Или, тьфу-тьфу, уже двигает в массы?

Он лишь в изумлении развёл руками, глядя на Дукатова, но тот продолжал смотреть так же открыто и даже нагло.

– Кому? – проговорил он наконец. – Кому она что могла рассказать? Кому она *стала бы* что-то рассказывать, давайте так.

Дукатов пожал плечами:

– Шержведичеву.

Он обдумал, тихо фыркнул от такого варианта.

– Нет, ну... нет, господа, мы все прекрасно знаем Феликса. Если б она ему что-то сказала, нам бы уже было известно. Феликс же – из идейных, он не смог бы сидеть тихо.

– А это тогда что? – Дукатов положил бумагу на стол.

Он проглядел, смахнул с себя нарочитую несерьёзность:

– Он запрашивал отчётность?

– Как видишь.

– И ему всё выложили?

– Нет, но он мог и не остановиться.

Он потёр губы, машинально потеревил в пальцах серебряную ложечку.

– Это плохо. Это очень плохо...

Мамлев, до того, казалось, не принимавший никакого участия во встрече, заметил со значением, не отрываясь от своего планшета:

– Мне всегда не нравился этот Шержведичев...

– Нет, он хороший парень, – поспешил возразить он. – С тараканами, конечно, но свой... и вообще во многом полезный.

Вайзонов мрачно кивнул:

– Да, особенно полезно будет, когда он начнёт трезвонить на всех углах о той истории.

– Господа, ну право же... С ним ведь можно и по-хорошему.

– Ты сейчас так говоришь, как будто мы уже договорились его прикончить на каких-нибудь задворках, – усмехнулся Дукатов.

– Ну, кстати, если вдруг на будущее, суицид натуральнее. Так вот, я о чём... С ним ведь вполне можно постараться уладить и сделать всё мирно. Поговорить... скажем, более-менее откровенно, не дурак, поймёт...

– По телефону?

– ...лучше лично. Можно прям здесь...

– Ты с ума сошёл, в «святая святых»? – взорвался Дукатов. – Нет, такого точно не будет. Вези к себе, если хочешь, или на конспиративную, но здесь я его не допущу!

– Хорошо, хорошо, не здесь, успокойся... Всё, всё! Успокойся.

Оба разом замолчали. Дукатов ещё продолжал по инерции сверлить его взглядом, но скоро тоже принял чинный вид.

Он посмотрел на остальных. Висячик тревожно поглядывал то на него, то на Дукатова; Мамлев по-прежнему не вылезал из планшета. Вайзонов же сидел поодаль с таким видом, будто ему давно всё известно – лучше их всех вместе взятых.

– Вот что, господа, давайте Шержведичева оставим мне. Я знаю, как с ним говорить...

К тому же он в некотором роде мой должник и уже давно. Так что с ним решаю я, – он снова обвёл всех взглядом. – С Китти же... по мере поступления информации.

– Так, значит, договорились?

– Значит, договорились.

24.

Конечно, оставаться взаперти скоро сделалось невыносимо, и он пренебрёг советом.

Ночь стояла в запахе бензина, влажной пыли и чего-то гадкого. Город стих, только из дворов временами слышались хохот и пьяное улюлюканье.

Вот для чего всё было, подумал он, усмехаясь сам себе, пока никто не видел. Вот они – люди нового мира. Это им ты всё пытаешься открыть глаза на правду, это их норовил всё куда-то зазвать. Что ж, поздравь – сейчас они празднуют свою победу. Ведь не ты, не кто-то другой – *они* обрели этот мир, *они* пережили все чёрные времена и всех обезумевших главарей, каждый раз расползаясь заново по трупам и голым камням. Как плесень.

Феликсу вдруг очень захотелось зайти в очередную подворотню и набить им морду (конечно, скорее всего, получилось бы наоборот).

Он остановился на углу дома и, прислонившись к стене, некоторое время созерцал силуэты ликующих. Но тем было весело, и они не обратили на него внимания. Что ж... По большей части оно того не стоит. Феликс пошёл дальше.

Сколько он помнил, ему всегда фатально везло – возможно, потому как раз, что не обращали внимания, вплоть до последнего апреля. Не пытались посадить – в отличие от многих других. Ни разу не вызывали на допрос. Не нападали на улицах. Никогда. Будто кто-то очертил его заговорённым кругом.

Ну ладно, можно зачесть ту стычку в лохматом году, они ещё были студентами, а Нонине ещё была президентом. А можно и не засчитывать – даже рука потом почти не болела (спасибо мисс безупречность).

Перекрёстки пустовали, да и фонарей здесь отчётливо не хватало. Если кто-то хочет устранить его – теперь всё-таки да, – время и место самые подходящие. О, вот и машина. Чёрная, неприметная, как и полагается. Тронувшись с места, она тихонько продвигалась по правую руку, прикрытая чередой стоявших автомобилей. Феликс не остановился и вообще сделал вид, будто не заметил.

Автомобиль подождал, проехал за ним ещё немного.

– Что ж вы, господин оппозиционер, по ночам разгуливаете? – глухо проговорил знакомый голос. – Да ещё машины игнорируете подозрительного вида?

Он вздрогнул, тут же метнулся к авто. Сообразил обогнуть, дёрнул дверь и быстро забрался на переднее сидение.

– Я же говорила: осторожнее, – сказала Китти. За эти дни она не растеряла ни капли своего бумажного глянца. – Ты ведь тоже причастен.

– Дай руку, – прервал он.

Китти видимо удивилась.

– Зачем?

– Дай руку, – настойчиво повторил Феликс.

Она настороженно протянула всё с тем же удивлённым выражением лица. Он вцепился в её кисть, ошупал запястье и дальше до локтя – будто хотел сам себя убедить, что она здесь, что она настоящая и по-прежнему никуда не делась. Он и сам не понимал, что на него нашло.

Китти, по всей видимости, не понимала тоже.

– Чего ты? – тихо проговорила она. – Я же позвонила почти сразу.

– Да, – усмехнулся Феликс. – Через час после новостей. Понимаешь? Через час.

Он выпустил Китти, в следующую же секунду порывисто обнял её.

Она неловко обняла Феликса одной рукой (за рулём это было неудобно), почувствовала, что его трясёт мелкой дрожью.

– Ну ладно тебе, – пробормотала Китти. – Что ты как девочка. Всё же уже нормально. Она не могла понять сейчас и, что предпринять, не знала.

Поглаживая его по голове и ожидая, когда он успокоится, Китти пристально тем временем осматривала мутные потёмки за стеклом. Наконец ей показалось, что увидела. Так или нет, не было времени проверять. Китти отстранилась.

– Феликс, милый, сядь на место. Нам нужно срочно отъехать.

Он сел и даже пристегнулся (обычно они спорили об этом минут пять). Спросил только:

– Куда?

– Потом объясню.

Они остановились у самой окраины. Дальше дорога вела из города и шла на восток.

Китти заглушила мотор и сидела, сосредоточенно опустив взгляд, будто глубоко задумалась.

– Ну так что? – спросил Феликс.

Она подняла голову:

– Нам надо сейчас уехать.

– В смысле, уехать?

– В смысле, покинуть Ринордийск и перебраться в какой-то другой город. Всё равно в какой. Вполне возможно, что и их придётся менять.

– Скрываться, одним словом? – Феликс презрительно скривился. – Бежать от них сейчас и дальше бегать всю жизнь? Отлично придумано.

– Можно, разумеется, проявить чудеса отваги и по-геройски остаться, – холодно проговорила Китти. – Но тогда уже точно насовсем. И может, даже на этом самом месте.

Он недовольно вздохнул:

– Хорошо, езжай, дай только я вылезу.

– Нет, – так же холодно отрезала она. – Если остаёмся, то оба.

– Эй, этический шантаж – моя прерогатива!

– Я не шантажирую.

Китти повернулась и впервые за поездку посмотрела на него.

– У меня просто были соображения, – негромко заговорила она. – Что если сейчас уедем... То ещё сможем вернуться и что-то сделать. Действительно сделать. А не бросаться, как обычно, красивыми словами и жестами, – она долго и почти доверительно посмотрела на Феликса, потом вновь отвернулась. – Но и они, конечно, тоже хороши.

Он нехотя, почти в принудительном порядке поворачивал эту мысль, напряжённо сжав пальцы.

– А пять минут на подумать?

– Думай, только быстрее. У того забора я вижу наблюдателя, – Китти перевела взгляд в другую сторону. – И вон те ребята на джипе тоже явно не погулять вышли.

Феликс не разглядел в таких подробностях, но оснований не доверять ей у него не было.

– Но мы вернёмся? – спросил он.

Китти ничего не ответила.

– Ладно, давай так: ты обещаешь, что мы постараемся вернуться?

– Да.

– Хорошо, – он обречённо кивнул. – Тогда поехали.

Китти кивнула в ответ и завела мотор.

Через минуту они неслись по трассе на восток – сквозь неизвестность, сквозь ветер и ночь.

25.

Они ехали долго. Довольно скоро машина свернула с трассы, и они двигались теперь по мелким неосвещённым дорогам, что неохотно стелились под колёса, наждачно шурша и иногда подкидывая кверху. По сторонам угадывались поля и маленькие лески, но очертания их были зыбки, непостоянны, и казалось иногда, что всё это не по-настоящему, – просто снится странный околдованный мир, который ты нигде не видал. А может, наоборот, сном было всё, что помнилось до того: какой-то большой город, крыши многоэтажек... флаги... люди на солнечной набережной... А настоящий мир всегда и был здесь, в нагретой духоте между сиденьем и темнотой за окном, всегда немного тряся и светил лампочками на приборной панели...

– ...вряд ли охраняют. Можно в них.

– А? – переспросил Феликс. Он и впрямь успел задремать, хотя, казалось, не закрывал глаз.

– Эти сараи, наверно, не охраняют, – повторила Китти. – Нам нужно отдохнуть немного. Завтра долго ехать.

– А, да. Это идея, – он подумал, вспомнил кое-что важное. – А куда мы всё-таки двигаемся?

Китти помолчала.

– Был вариант поехать в Истрицк, – через минуту всё-таки проговорила она. – Это к юго-востоку.

– А почему именно туда?

– Я жила там одно время. Впрочем, можешь выбрать любой другой, это не принципиально.

– Прямо любой, – протянул Феликс. – И можем, например, махнуть до приозёрья?

– Хоть до Черюпинска.

Феликс тихо рассмеялся:

– Да ладно, Истрицк меня вполне устраивает.

В сарае оказалось довольно чисто и даже почти не сыро: он был хорошо сделан. Большую часть занимали приспособления хозяйственного толка, и среди них можно было сносно расположиться.

– И мы даже никому не скажем из наших? – спросил Феликс.

Китти внимательно посмотрела на него:

– У тебя есть кто-то, кому ты безоговорочно доверяешь? Не потому, что «за одну идею», а лично?

– Витька Рамишев, – сказал он почти сразу. Потом, подумав немного. – Леон Пурпоров тоже.

– Вот им и позвони, – кивнула Китти. – Остальным не надо.

Она протянула ему мобильник (свой он давно выключил) и связку ключей в придачу, пояснила:

– Если что понадобится в машине. Я сейчас уже лягу.

Феликс вышел наружу, чтоб не мешать ей обустроиться. Один за другим набрал номера обоих своих друзей, и те, удивляясь, всё же не задавали лишних вопросов и обещались молчать. Наверно, подумалось ему, два раза он всё же не ошибся, объявляя друзьями тех или других, потом вымарывая их мысленно из списка и заносая обратно через какое-то время. Два раза – это ведь жутко много, не правда ли.

Отзвонившись, он закурил. Тишина вокруг была такой глубокой, такой не по-городски *чужой*, что её надо было разбавить чем-то – почему бы не сигаретным дымом.

Кажется, когда-то, когда тишина и ночь были такими же чужими даже в городской комнате, в собственной кровати... Да, он тогда спал ещё в маленькой детской кроватке и, лёжа на своей подушке, мог вглядываться в распростёртую тьму за окном. Тогда в иные ночи он видел, как за столом у окна сидит силуэт: вполоборота и было не рассмотреть лица, только общие очертания. Она (Феликс откуда-то точно знал, что это *она*) никогда на него не смотрела, но, казалось, знала его и потому только здесь находилась – чтобы... Чтобы, отвечал себе Феликс, однажды всё-таки подойти ближе, совсем близко, и съесть его. Странно, но это почти не пугало – напротив, притягивало, будто ему дали лучшее обещание в мире и оно будет исполнено, что бы ни случилось дурного. Позже силуэт уже не появлялся, но помнилось само ощущение, и, будучи подростком, Феликс не раз воспроизводил его, когда что-то тревожило его и мешало уснуть.

А ведь это проскользнуло в один миг, когда он впервые подсел к Китти, – помимо, конечно, того плавно-ленивого жеста, которым она держала ручку... Да, он вспомнил теперь: одно только мгновение, секундное узнавание и снова всё забылось, как будто не было. «Мы с вами, случайно, раньше не встречались?» – насмешливо спросил он, отодвинув соседний стул. Китти смерила его долгим формальным взглядом с оттенком любопытства, наконец ответила: «Думаю, нет, господин Шержведичев». «Тогда самое время исправить», – рассмеялся он.

Сигарета закончилась. Феликс оглянулся на пятно сарая, едва различимое в свете дальних фонарей, вошёл.

Китти уже спала, свернувшись клубочком, словно ей было холодно. В сарае, впрочем, и впрямь было не слишком тепло, а жакет она сняла, чтоб положить под голову. Феликс помедлил, снова вышел наружу.

Внутри машины обнаружилось просторное, хоть и грубоватое покрывало. Вернувшись с ним, он осторожно, чтоб не разбудить, накрыл Китти. Свет от поставленного ими в углу фонарика давал немножко рассмотреть, и Феликс заметил что-то странное, с металлическим блеском. Он потянулся, чтоб выудить пистолет у неё из-под головы. Ладонь резко хлопнула его по руке.

– А вот это не надо, – Китти открыла глаза. – Я сейчас нервная, могу сразу перейти к крайним мерам.

– Неужели не поймёшь, что это я, – хихикнул он.

– Могу и не успеть.

– Ладно-ладно...

Он отошёл на другую сторону сарая, когда Китти обернулась и чуть приподняла покрывало:

– Ложись, тут достаточно места.

– Просто ложиться? – он присел рядом.

– Феликс, я не спала трое суток.

– Я ж не всерьёз.

У него самого в голове кто-то раз за разом порывался дёрнуть рубильник и всё отключить. Уже устроившись и накрывшись, он вдруг вспомнил:

– Да, а где ты была все эти дни?

– Лучше не спрашивай, – сказала Китти в темноту.

26.

– Всё это очень дурно пахнет.

Вислячик внимательно выслушивал его, поминутно и не очень осмысленно кивая.

– Если верить тому, что мне сказали, то ещё ночью они оставались, может, не в городе, но где-то поблизости. А к утру... что, к утру – и след простыл. Ищи их теперь по всем путям-дорогам...

– Недоглядели, недоглядели... – снова кивнул Вислячик.

– Главным образом, конечно, Клементинов. Не знал бы его лично, даже подумал бы, что подыгрывает им, – он улыбнулся. – Он слишком солдафон для этого.

– Да... – протянул Вислячик. – Так посмотреть, может весьма нехорошо для нас обернуться.

– Это точно. Особенно для тебя.

– А почему для меня особенно? – тот сразу насторожился и подобрался.

– Ну как же! Кто у нас, главным образом, вёл переговоры? Разумеется, главный мастер дипломатии, Сергей Вислячик.

– Но подожди... Подожди, я ведь просто выполнял твои указания. Я...

– Рекомендации, только рекомендации.

– Рекомендации, да. Но ведь идея изначально была твоя! И процесс... во многом был на тебе...

– Да, правда? А я и забыл уже... Надо у ребят спросить – может, они помнят, хотя это не факт, конечно, совсем не факт. Вот про тебя точно все вспомнят, – он одобрительно похлопал Вислячика по плечу. – Да и разговорчики... телефон у нас записывает опять-таки... Ну да неважно.

Тот смотрел оторопело. Тихо – видимо, невольно вырвалось – проговорил:

– Зачем ты?..

– Зачем не заверил с печатью, что идея была моей? Потому что дурак и недалёковидный... Что ж с меня возьмёшь.

– Нет, я не об этом! Может, что-то надо... – он с невинным непониманием взглянул на Вислячика. – Может, я могу здесь чем-то помочь?

– Воот, вот это правильный подход, – одобрительно кивнул он. – Ты очень можешь помочь и, я бы даже сказал, в сложившихся обстоятельствах – должен.

– Нужна моя материальная поддержка? – сразу просиял Вислячик. – Да?

– Ну что – материальная поддержка! – раздражённо отмахнулся он. – Вот люди, всё сразу в деньгах мерить, всё в деньгах! Как так можно...

– А что тогда? – Вислячик взволнованно и внимательно уставился на него.

– Тогда – вот что, – он аккуратно притянул к себе Вислячика и заговорил вполголоса. – Ты должен сделать так, чтоб ушёл Клементинов. Разумеется, через госпожу Мондалеву. Он, почитай, в высших кругах, поэтому без высочайшего волеизъявления госпожи Мондалевой его не уйдут.

– Но... это ведь ты и сам можешь сделать.

– Нет-нет, мне никак нельзя, – он добродушно покачал головой. – Я не настолько близок к этой сфере, чтоб вдруг проявлять рвение... К тому же, что касается Клементинова, то меня можно заподозрить и в личной неприязни: он плохо отзывался обо мне, и вообще... не будем поминать прошлое. А вот ты человек в этом плане незаинтересованный.

– Да, – пробормотал Вислячик, – но...

Повисло молчание.

– Что? Боишься, что ли? – он рассмеялся. – Что он тебе из отставки-то сделает.

– А если не будет отставки?

– А ты сделай так, чтоб была. Не знаю... придумай повод, по которому тебе было бы естественно к ней обратиться, найди убедительные аргументы... Ты ведь мастер!

Висячик окончательно сник, но всё же кивнул.

– Ну вот и отлично, значит, договорились, – с улыбкой заключил он. – Хотя, конечно, материальная поддержка тоже никогда не помешает.

27.

Казалось, течение принесло её из далёких вод – таких далёких, что здесь о них не помнили. Лодка чуть покачивалась на волнах, нос устилали охапки цветов – лютиков, вербены, лаванды. Поверх угловатой аркой проплыл мост; над ним же, на берегу, вставали дома: чёрные против солнца шпили тянулись в небо, башенка с часами разливала летящий перезвон, будто перекликалась сама с собой; город протягивался с обеих сторон, звал пристанями и площадями, на которых разгуливали люди. Они не узнавали пока пришелицу, и она была рада, что здесь инкогнито.

Площади и башни манили к себе, но лодка ушла дальше по течению и прибилась к песчаной отмели под крутым склоном. Она вышла из лодки; птицы слетели с её руки, подхватили венчики цветов и устремились вперёд, предвещая её появление.

Наверху разлётся парк, и былолюдно, будто на ярмарке. Здесь ходили в масках и нелепых карнавальных костюмах, вращались вокруг огромного солнца-колеса, будто не в силах сойти с пути: ослы с клешнями крабов, жабы с огромными молотками в крепких руках, ощерившиеся пасти гиен, чьи глаза были замотаны изолентой. Многие прятали что-то под широкими полами одежд, некоторые перебрасывались, играя, хрустальными шариками, в которых тлели чужие миры, иные заводили всё одну и ту же песню, вдруг замолкали и с новым кругом колеса начинали вновь. Большинство же копошилось в грязи, будто и в самом деле надеялось найти там что-то желанное.

Маски и костюмы, заметила она, не собственные, взяты напрокат. Те, кто уходят, оставляют здесь шелуху, и новые, новые рядятся в те же обличья. Интересно, какая маска у неё...

Она остановилась у врытого в землю бездонного бочонка, заглянула через край. Междосок плескалось переливчато-красное – вино или, может, вишнёвый сок... Одна из птиц, пролетев, обронила туда лютик, и жижасразу обратилась в прозрачайшую воду, что только чернела далеко в глубине. Вода отразила лик: гладкая белая маска без признаков и черт, такую должны носить те, кто слышит тончайшие струны и не имеет права забить их голос своим.

Но этого они не услышат, поняла она, глядя на клокочущую массу. Можно взывать раз за разом, чертя по воздуху огненные письмена, можно раздарить по искрам собственное сердце, – всё будет не то... Нет, им нужна совсем другая музыка.

Поодаль от самой гущи, под прикрытием солнца-колеса стояла палатка торговца. Его зелёный кафтан по-кошачьи поблёскивал в сумраке под навесом и навевал воспоминание о другой зелени...

«Глину взял ярмарочный торговец – продавец чудес, что на поверку оказывались ловкими и искусными поделками. Обманывая, он говорил правду и, не переставая хитрить, дарил надежду, а потому выбирался из любых неурядиц и, когда проходили невзгоды, вновь всплывал лукавым маяком».

Она подошла к палатке, положила на прилавок белую личину.

– Мне нужна другая маска.

Торговец улыбнулся с хитринкой, в глазах его бегали тревожные искорки.

– Зачем вам маска? Лучше этой дудочки всё равно не найдёте.

Она взяла в руки предложенное – белую лёгкую дудочку с аккуратными прорезями и тонким завитым узором. Внутри неё, темнее ночи, будто отливала чёрным металл.

Она снова посмотрела на торговца: маску тот сразу убрал за прилавок.

– Скажите, а это не вы первый владели колдовской глиной?

– Я, – довольно кивнул тот. – Точно я.

– И где же она сейчас?

Тот улыбчиво и уклончиво повёл головой:

– А это уже другая услуга... Впрочем, можете отдать взамен ещё что-нибудь: к примеру, ваш мел или этих чудесных птиц...

– Ладно, – она отвернулась от хитреца. – Я сама узнаю.

Там, заметила она, посреди пёстрого балагана золотился фонтан. Струи его взлетали и опадали вниз, осыпая брызгами высокий массивный трон, но место славы пустовало.

Незримая, она прошла и взобралась на самый верх, где лишь едва брызги касались её рук, и попробовала три такта.

Толпа смолкла. Они оборачивались с распахнутыми глазами, и ноздри их шевелились, уловив новое, необъяснимое и невольно волнующее. Они сгрудились вокруг фонтана: некоторые щёлкали пастями и тут же припадали к земле, другие смотрели очарованно, готовые по приказу идти хоть на край света... И теперь она видела, что под костюмами и масками скрывается всё одно и то же.

Крысы. Софи была права.

Что ж... Она улыбнулась и заиграла свою мелодию. Брызги фонтана наполнились новой силой и устремились вовне могучим потоком. Небо же наверху застили тучи: пусть пойдёт дождь, величайший дождь всех времён и народов. Он очистит это место.

Могучее и спокойное, ползло ещё солнце-колесо...

Лаванда открыла глаза: всё это заняло не больше пяти минут. Она приподнялась, взглянула в окно.

Дальние здания уже скрадывал туман. Тучи сошлись наверху, не оставив просветов, и начинал капать медленный крупный дождь. Она знала, он зарядил надолго.

Гречаев запер квартиру изнутри, повесил на крючок промокший плащ. От дверей машины до дверей дома – два метра, но ливень припустил такой, что хватило и их.

Из коридора на него вылетели два маленьких смерча (один с косичками).

– Папа, папа! А правда, что истории больше не будет?

– Нуу... Не совсем, – осторожно ответил он.

– Ураа!

Оба умчались обратно в комнату.

«На самом деле, ещё много чего не будет, – мог бы добавить он. – Но неважно: к нам это всё равно не имеет отношения».

Кое-что начинало беспокоить – отдалённо пока, как бы между прочим. Но, что бы ни случилось, это никогда не коснётся этих двоих, никогда не коснётся Ольги. За это он мог поручиться.

Ольга, миловидная женщина с мягкими чертами лица – в юности она чем-то походила на госпожу Мондалеву – сидела у телевизора, вся поглощённая вечерними новостями.

– Ну, что рассказывают? – осведомился у неё Гречаев.

– Представляешь, на городской пруд слетелись чайки!

– Неужели?

– Да. Говорят, они прилетели с севера, и теперь им как-то надо ужиться с тамошними лебедями, – Ольга обернулась, удивлённо покачала головой. – Никогда такого не было. Что же будет зимой...

28.

Дорога впереди бежала ровно и уверенно, и было светло. Они двигались в стороне от основной трассы, но та мелькала то и дело по правую руку и не исчезала совсем из виду.

– Когда определимся с местом, – подал голос Феликс, – попробуем выйти на публику?

– Вряд ли. Без тех бумаг нет смысла начинать, – Китти задумалась было над чем-то, но тут же снова сосредоточилась на дороге. – Надо будет найти потом какие-нибудь зацепки. Чтоб это хоть как-то приняли всерьёз.

Феликс усмехнулся:

– А так? – с торжествующим видом он выложил бумаги поверх бардачка.

Китти лишь слегка скосила взгляд и замолчала на время – казалось, прокручивая тем временем в голове всё, что она о нём думает.

– Когда успел? – спросила она затем только.

– Ты же давала на пару дней. Сделал уж две копии, какая сложность.

– Где вторая?

– Дома. Специально на тот случай, если бы в машине была не ты, – он продолжал всё с той же усмешкой смотреть на Китти. – Согласись, если б меня пристрелили, хорошо было бы иметь хотя бы запасной комплект компромата.

Китти резко затормозила.

Некоторое время она просто молчала, сжав пальцами руль. Феликс тоже замолк.

– Так, давай сразу, пока недалеко, – заговорила Китти, глядя перед собой. – Ты понимаешь, что, если теперь попадёмся, одной ликвидацией может не обойтись?

– Да понимаю, конечно, – пробормотал Феликс.

– Нет, не понимаешь, – она смотрела на него в упор тёмными, почти чёрными глазами. – Хочешь, я тебе скажу? Ты просто изнеженный капризный мальчик, которого никогда даже не били по-настоящему. Ты понятия не имеешь.

– Будто бы ты имеешь, – Феликс смущённо отвел от неё взгляд.

– Чуть больше, чем ты.

Она молчала о чём-то своём, и молчание это было темно и густо, от него веяло холодом – словно от кого-то, кто пришёл однажды с *той* стороны, хотя все давно позабыли, как и когда.

Будто ничего и не было, Китти взглянула на бумаги:

– Но вообще спасибо, что ты их скопировал. С ними, конечно, будет легче.

Выпускной был в самом разгаре. Феликс уже накружился среди тех и других, перекинулся хоть словом – а то и куда больше – с каждым. Шампанское немного ударило в голову, залы плескались в обрывках фраз и огненно-золотистом свете, и можно было почти забыть, что за окном уже совсем счернело, что все каналы телевидения гремят о «процессе трёх» (такое новое слово «госизмена»), а «рассадник» давно взят на заметку, а значит, к выпускникам будут особо внимательны. К тому же по-прежнему оставался один вопрос. Теперь, когда эйфория поутихла и начинала выгорать, Феликсу снова становилось не всё равно, каков ответ.

Китти стояла в разношёрстной компании полужнакомых личностей – кто-то с параллельного потока, несколько бывших вечерников, приятели приятелей – и поддерживала светскую беседу: в изящно изогнутых пальцах – бокал шампанского, на губах – приторно-милая улыбка; красное платье и распущенные волосы по случаю торжества, ни дать ни взять девушка с глянцевого обложки. Феликс тихо окликнул её. Будто случайно, не меняя выражения лица, она обернулась (глаза абсолютно трезвые).

– Поговорить бы надо.

– Иди наверх, – проговорила она так же тихо и даже отвела на всякий случай взгляд. – Я сейчас буду.

Наверху простирался длинный пустой коридор, по одной из стен тянулись тесно пригнанные, чуть замызганные зеркала. Дальнее окно было зарешечено, но пропускало поток воздуха внутрь. Феликс прошёлся до него и обратно к двери, остановился где-то посередине. Порылся в карманах. Нет, он не будет сейчас курить, ну правда ведь, можно подождать. Не так уж и долго... Пальцы нащупали металл зажигалки, машинально завертели её.

В соседнем зеркале наконец возникла Китти.

– Я здесь. Чего ты хотел?

В грубом и ярком свете поубавилось глянца, и теперь было заметно, что вид у неё усталый.

– Я думал, что потом.

Они не поворачивались и смотрели только на отражения друг друга.

– Что дальше, – повторил Феликс.

– А почему ты спрашиваешь меня об этом? Разве я оракул? Или знаю больше, чем знаешь ты?

– Не, ну то, что ничего не знаем мы оба, это понятно, – Феликс насмешливо улыбнулся. – Ещё бы, отправляться в большое плаванье в самый шторм. Не исключено, что завтра нас расстреляют, и все вопросы исчезнут сами собой.

– Это было бы слишком просто, – остановив взгляд ниже по стене, проговорила Китти. – Думаешь, что мы уже на краю? Нет, мы только будем идти туда, шаг за шагом. И не выдумывай, – она вновь подняла глаза на отражение Феликса. – Не выдумывай, что это так легко. Дальше всё будет хуже и хуже.

– Я не стану с тобой спорить, хранитель теней, – Феликс развернулся и нарочито небрежно прислонился к стене. – Но что насчёт нас?

– Насчёт чего именно? – она продолжала невозмутимо смотреть в зеркало.

– А так непонятно?

Он процедил это почти злобно. Китти повернулась и на секунду поймала его взгляд, тут же вновь спрятала глаза.

– Я не знаю, Феликс. Я путаюсь во всех этих словах и не очень понимаю, что они означают. Но, – она посмотрела на него, – когда ты будешь умирать, я буду рядом. Это обещаю.

Феликс фыркнул:

– Это лучшее обещание из всех, что я слышал.

На улице раздался негромкий шум мотора. Китти быстро скользнула к окну, выглянула наружу.

– Так, это, похоже, за мной.

Феликс попытался было уловить её за руку, но непостижимым образом они разминулись в узком коридоре.

– Да, – Китти обернулась в дверях. – Если что, на выпускном мы не разговаривали.

– В смысле – «не разговаривали»?

– Мы не пересекались и ни о чём не говорили, – спокойно и твёрдо повторила Китти и вмиг исчезла. По лестнице быстро простучали её каблук.

– Ну отлично, да, – раздражённо бросил Феликс, хотя его уже никто не слышал. Нервно пошарив в карманах, всё же вытащил сигареты и зажигалку.

29.

– Ну так что про Феликса?

Здесь из часов иногда выпрыгивала кукушка и за темнотой шумела близкая река.

– Что про Феликса, – передразнил Вайзонов, неодобрительно глядя, как он спеша стягивает плащ и вешает на крючок. – Копии и впрямь нашли, официально не нашли ничего. Откровенно, – он сильно понизил голос, – мне кажется, с углём – это она лажанулась. Башева, возможно, что-то и знает, но угля не было ни у неё, ни у Феликса и в помине...

– Тсс, – он настороженно приложил палец к губам.

– Прослушки нет, – Вайзонов слегка снисходительно улыбнулся.

– Нет, конечно... но я всё ж таки как доверенный человек. Могу, в принципе... Ну ладно, не будем об грустном. Давай о весёлом! Угадай, почему нам не надо будет искать людей, чтоб по-тихому прочёсывать все дороги от Загорья до Крайнего востока? – он поглядел довольно, готовый удовлетворить чужое любопытство, но Вайзонов лишь спокойно смотрел на него. – Потому что! Шелетов за раз выяснил, где обреталась Китти до самого их побега.

– Так, и? – уже с более выраженным интересом протянул Вайзонов.

– Есть за городом один старый дом, и живут в нём – правильно, не кто иные, как родственники Китти по отцу. Среди них же – один молодой человек, сознательнейший гражданин, который и заложил в итоге свою двоюродную сестру.

Вайзонов многозначительно повёл бровями, как бы говоря «жизнь такая пошла».

– Погоди, это ещё не всё. Поскольку госпожа Башева была очень заинтересована в молчании означенного гражданина, она пыталась подкупить его крупной наличкой... от чего он, надо сказать, не отказался. Но за сумму в два раза большую он был так любезен вспомнить даже номер старой сим-карты, которую госпожа Башева позаимствовала в доме, – он на секунду отвлёкся от собственного, такого увлекательного, повествования и поднял глаза к потолку. – Вот семейка! Один другого стоит.

Вайзонов не разделил этого крика души.

– И как, удалось отследить? – спросил он только.

– Да... пожалуй, скорее, да. Не очень точно – ты же понимаешь, загород, – но если ориентироваться так... то, похоже, они пока двигаются в сторону Истрицкой области.

– Опаньки, – Вайзонов резко выпрямился в кресле. – Неплохо так совпало.

С внимательным прищуром он вопросительно посмотрел на Вайзонова.

Тот усмехнулся:

– Что же вы, гражданин доверенный, не слышали разве? Куда по приказу правительницы отправляется экспедиция?

Он покачал головой.

– Она вычитала в какой-то из своих книг, что колдовская глина, когда её заметили в последний раз, всплывала в Истричке. И якобы там должна оставаться по наши дни. Так что...

– Вайзонов развёл руками. – Ждём там наш доблестный спецотряд.

– Как это всё... не вовремя, я бы сказал. Может, нам в таком случае придержать пока шелетовских? Как бы не столкнулись ребята нос к носу. Может плохо кончиться, а шум нам ни к чему.

Он доверительно посмотрел на Вайзонова, будто от того и правда зависело решение.

30.

Прошло несколько дней, прежде чем они добрались до истрицких окрестностей. Три или четыре – в дороге время бежит по-другому, и не всегда получается правильно его посчитать. Несколько раз он предлагал Китти поменяться местами: она явно уставала за рулём, хоть и не говорила об этом. Китти мрачно улыбалась и отвечала, что закончить аварией с шофёром без прав было бы всё же слишком глупо. (В другое время он бы не преминул обидеться, но, понятно, не сейчас).

Вместо полей и свалок пошли леса, и Китти сказала, что теперь уже близко.

Леса здесь были не такие, как вокруг Ринордийска: тёмные, густые, низ утопал во мху и низкой поросли, а наверху загораживали свет большие хвойные лапы. И хоть машина ехала по просеке, сложно было поверить, что совсем недалеко скрывается город.

Феликс попытался себе представить, как это – обитать в таком месте. Год, два... много лет. У него не получилось.

– Ты почти не рассказывала, как вы жили здесь.

– Я не люблю вспоминать это время, – спокойно ответила Китти, не спуская глаз с дороги.

– И ты не бывала в Истричке с тех пор?

– Ни разу. Надеюсь, тут ещё что-то осталось.

Город появился внезапно: просто выплыл вниз, под горой, когда они выехали на чуть более открытый участок. Типовые многоэтажные призмы, все стоявшие под одинаковым углом, несколько безглазых коробок-заводов, – вот, похоже, и весь Истрицк. По краям были редко рассыпаны обветшалые хозяйственные постройки, почти вплоты к ним город петлёй огибала речка.

Китти широко распахнула глаза, будто вспомнила вдруг нечто очень важное.

– Ты выключил телефон?

– Свой? Да.

– Мой.

Этого Феликс совершенно не помнил и быстро обшарил себя по карманам (отлично, он даже не может сообразить, куда вообще дел телефон и у него ли он сейчас). Наконец он извлёк мобильник, взглянул с тайной надеждой. Экран вполне жизнерадостно светился и показывал дату и время.

– Выключи, – сказала Китти.

Стоило вдавить кнопку, как он быстро погас. Хорошо бы это было сделать раньше, конечно.

– Но там же не твоя симка?

– Нет, – Китти покачала головой. – Думаю, не вычислят. Хотя... – она нахмурилась, задумавшись о чём-то. – Нет, думаю, нет.

В город въехали не сразу, заложив сначала круг по периметру, и лишь затем проникли не по большой дороге с парадным «Добро пожаловать» на арке теплотрассы, а тайком, задворками, где им не встретилось ни одного человека.

Странно здесь было... Обочины дорог и заброшенные фабричные здания хранили молчание, но в этом молчании зависла, беззвучно визжала острая тоска. Она вливалась под напором, проникала под кожу, так что в первую минуту показалось – лучше что угодно другое, чем остаться здесь. Впрочем, уже во вторую Феликс резко осадил себя и даже заключил, что здесь не так плохо. Жить бы тут ему, конечно, не понравилось, но никто и не обещал, что всегда будет только то, что нравится, – или не надо было выбирать его путь в таком случае. Ещё немного, и чувство притупилось, осталось висеть на заднем плане плотной дымной горечью. Будто кто-то сидел неподалёку и тихо плакал о сломанном, разбитом, что уже никогда не сбудется.

– А мы куда-то конкретно едем? – спросил Феликс. – Непохоже, чтоб здесь было где остановиться.

– У нас была здесь квартира, – помолчав, ответила Китти. – Я, правда, не знаю, продали ли её в итоге и кто там сейчас.

– Думаешь, нас пустят?

– Вряд ли. Но посмотреть можно.

31.

Они вылезли из машины. Сразу обхватила вечерняя сырая прохлада – несильно пока, но упрямо она вгрызалась всюду, куда доставала, сколько ни кутайся поплотней. Под ногами валялся разный строительный мусор, со стороны реки пробивались сквозь сумрак рыжие огни на вышках, но в домах, заметил Феликс, по-прежнему не горело ни одно окно. Может, это нежилой район...

Китти направилась прицельно к груде железобетона, даже зачем-то постояла на одном из блоков. Осмотревшись одновременно по-хозяйски и как-то недоумённо, слезла обратно на землю и вернулась к машине.

– Ну что? – спросил Феликс.

– По-моему, это здесь. Но, похоже, его снесли.

– И куда мы теперь?

– Если б я знала...

Она замолкла. Оба замолкли, только ветер остался тихим-тихим свистом – будто где-то играла свирель. Одинокий этот свист подступал, как трясина, а вокруг стояли лишь немые дома и равнодушные сумерки чужого города.

Им некуда было идти.

Китти вдруг резко обернулась. Феликс посмотрел, на что. Поодаль от них, с другого края бетонной кучи стояла девушка в пухлой желтоватой куртке и юбке до земли. Девушка смотрела так, будто очень хотела что-то воскликнуть, но не решалась.

– Сибилла, – голосом без интонаций прокомментировала Китти. Слегка обернулась к Феликсу. – Это Сибилла, моя бывшая одноклассница, – потом тем же отстранённым тоном обратилась к девушке. – Здравствуй. А что ты здесь делаешь?

– Китти... – пробормотала та, затем сорвалась с места и, несколько раз споткнувшись о подол, подбежала к ним. – Я так и знала, что ты в городе! Я всё искала тебя, но не могла найти... и подумала, что, наверно, ты захочешь прийти сюда.

Она запнулась, будто налетела на преграду, робко взглянула на Феликса, потом снова на Китти.

– Мне... надо поговорить с тобой...

Китти шагнула к ней:

– Ну, пойдём поговорим, – она оглянулась. – Я скоро.

Обе ушли за грань полумрака – за пределы видимого мира. Феликс, однако, слышал их голоса – негромко и почти без слов, но слышал. Он приблизился к куче бетона, за которой они теперь должны были быть, осторожно, по возможности скрываясь, двинулся к дальнему её краю.

Да, так и есть – вольно или невольно они проделали тот же маршрут, только с другой стороны. Теперь Феликс стоял в нескольких шагах и мог хорошо всё видеть в промежутки между бетонными блоками. Те же, хотелось думать, достаточно его заслоняли.

– Во-первых, успокойся, – Китти, поддерживая, прихватила Сибиллу за плечи. – Успокойся, или я не смогу с тобой разговаривать.

Та, хоть и не переменяла поникшей позы, но кивнула.

– Что именно ты видела? Кого? Где?

– Они по всему городу, Китти, – Сибилла говорила невнятно и торопливо. – У них ринордийские номера... Их никогда тут столько не бывало! Я думаю... думаю, это они из-за вас.

– Тебя вызывали? Что-нибудь спрашивали?

– Н-нет...

– Тогда почему ты решила, что это они?

– Это они, – уверенно закачала головой Сибилла. – Ты бы тоже поняла, если бы увидела. Я наблюдала за ними: они ездят везде, переговариваются с начальством из столицы... как будто ищут что-то. Но не могут найти.

– Как интересно: они ещё не могут, а ты уже знаешь, где я, – пробормотала Китти.

– Ты что, думаешь... – ошеломлённо начала Сибилла. – Да нет же! Я просто чувствую, где ты. Помнишь, я говорила?

– Помню, – кивнула Китти.

– Ты мне не веришь, да?

– Хотелось бы. Но пойми меня правильно, я не имею сейчас права никому доверять.

– Да, я понимаю... Но, кстати, если вам теперь некуда, вы могли бы остановиться у меня. Я сейчас одна здесь, и места было бы много... Вам ведь некуда?

Китти не ответила.

– Этот дом снесли уже давно. Тогда многое сносили, его сначала хотели отремонтировать, но никто не стал. А больше... больше тут почти ничего нет.

– Спасибо, Сибилла. Но нам с тобой и впрямь лучше держаться подальше. Для обоюдной безопасности.

Та примолкла на минуту.

– Но тогда в городе только одно место, где вы можете остановиться. Его называют «ящиком»... Это на северной окраине.

– Ящиком, – повторила Китти.

– Ты не можешь его помнить, оно не так давно появилось. Тогда мне искать вас там?

– Не надо, – прервала Китти. – Если что, я сама найду тебя.

Сибилла неуверенно кивнула.

– Да, и ещё. Если вдруг кто-то из них спросит: ты меня не знаешь.

– Но мы же...

– Учились вместе, это ничего не значит. Могла и не запомнить. Так, была какая-то замухрышка, кажется, звали Китти. Кто, что – не знаю. Так, договорились?

Сибилла потупилась и вроде бы ещё раз неохотно кивнула.

Феликс успел вернуться на своё законное место и принять вид самого невинного и неосведомлённого человека, пока они прощались, но это оказалось без необходимости. Сибилла ушла сквозь потёмки, и Китти вернулась одна.

– Ну так что, я так понимаю, мы в «ящик»? – промурлыкал Феликс, пока они шагали к машине. – Или ты ей настолько не доверяешь, что сразу в другой город?

– Подслушивать нехорошо, – невозмутимо заметила Китти.

– Да ладно, – он небрежно отмахнулся. – Как будто ты не знала, что я там.

– Догадывалась, – она кивнула, открыла дверцу автомобиля. – Поедем. Посмотрим хотя бы, что это за «ящик». Оценить обстановку, думаю, сможем и на расстоянии.

32.

Это была давняя книга с красивыми картинками в тонах охры и сепии, названия Лаванда не помнила. Смутно всплывало что-то про потоп и про город, это в середине, и, кажется, про каких-то птиц... Но ярче всего сохранилась картинка на всю страницу, почти в самом конце: вишнёвое дерево на опушке леса.

Не пришлось и особо трудиться: чёрный зверь провёл её по тропам так быстро, как не сумел бы ни один другой проводник. Он всё крутился поблизости, не сводя настороженных жёлтых глаз, будто хотел понять побыстрее, что она собирается делать дальше и не зря ли он показал ей это место.

Трава мягко легла под ноги, словно давно ожидала и приглашала теперь: пройдем же, пройдем же, добро пожаловать. Глухо зашуршали старые скрюченные вязы: внезапное пришествие потревожило их и они были недовольны. Они отжили много и стали немогшее, а потому только воображали, что угрожают, размахивая сучьями-руками.

Лаванда сделала знак, подождала, когда лес поймёт и успокоится. Ворчание превратилось в тихий шелест, среди него один голос звучал более полно, будто весь был напитан соком и жизнью. Молодая вишня стояла сама, отдельно от других деревьев и плодоносила большими темно-красными ягодами. Они проступали из теней густой листвы и даже, казалось, кидали отсвет на кору. По её бороздам вниз, к корням сбегали красные струи и исчезали в почве.

Зверь предусмотрительно держался подальше и к вишне не подходил, наблюдая с края опушки. Лаванда же шагнула к дереву, повела рукой ему навстречу. И оно отозвалось, прошепестело громче всеми своими листьями, так что шёпот и скрежет целого леса остался позади. Лаванда протянула руку к стволу, прижалась к коре ладонью, перекрыв один из красных ручейков жизни. Вздвигнув, он перестал падать, куда падал всегда, и принуждён был течь по её руке.

Спрячешь? – спросила Лаванда, не произнося слов.

Вишня уклончиво, но явственно кивнула в ответ.

Теперь остался шаг... Лаванда сделала его – и вот, руки вознеслись ввысь вместе с ветвями, ввысь и в стороны, кончики набрякли тяжёлыми плодами. Минуту ещё выдавало зелёное трясение, затем же всё успокоилось. Густая листва и древесная кора внизу надёжно скрыли её от любого случайного взгляда.

Две белые птицы слетелись с разных краёв леса и уселись на ветви, тихо, будто сами себе воркуя. Лаванда передала им полномочия и, спокойно вздохнув, шагнула назад – туда, где пространство заключалось в стены и потолок, где кто-то мог просить о чём-то или думать, что может посоветовать. Часть её всё равно осталась там, где она была только что и откуда можно наблюдать столь многое. Если она отвлечётся и не услышит сама – позовут птицы, позовёт вишня. Ничего важного не скроется теперь: она ведь у самого источника жизни.

33.

К «ящику» они подъехали уже совсем в темноте.

Окна светились призрачно-жёлтым, изнутри доносились весёлые и отчаянные голоса. Похоже, жизнь здесь была ключом.

Они в нерешительности стояли около машины. Китти облокотилась на крышу и молча наблюдала поверх, Феликс остановился ближе к окнам и тщетно ловил за ними хоть какой-то осмысленный силуэт. Прошло уже минут пять. Мысль вернуться в авто и уехать отсюда, а утром продолжить путь в непонятном направлении висела в воздухе над ними, но не озвучивалась никем.

Становилось холодно.

Феликс порылся в карманах, достал зажигалку, несколько раз тихонько чиркнул ей, прикрыв ладонью.

– Хочешь, я пойду первый? – он оглянулся на Китти. – Если что, подам сигнал, что туда не надо.

Китти медленно прикрыла глаза, будто он сказал несомненную, но ожидаемую глупость. Открыла снова:

– Отгону машину, и пойдём вместе.

Внутри царили хаос и неразбериха: вокруг суетился, метался, жил своей особой чудной жизнью огромный цирк-паноптикум. Его обитатели, стран страна страньше, в одеждах смешения всех времён и народов, пегие, белёсые и черно-бурые, потерявшие свои голоса и взявшие взамен другие, совсем им не подходившие, – все они то и дело появлялись в коридоре с кастрюлями, пахнувшими подозрительно-съедобно, с каким-то барахлом на руках или просто возникали на миг, чтоб прошмыгнуть мимо и исчезнуть. На Феликса и Китти никто внимания не обращал: даже денег на входе с них не потребовали, да и теперь, казалось, никому нет дела до такой ерунды.

Это было даже кстати, и стоило так подумать, как с другого конца коридора к ним кинулся человек с облезлыми рыжими вихрами, будто он изображал престарелого клоуна.

– Новые! Новые! – возвестил человек и, хоть его возглас затонул в суматохе, пристроился и пошёл рядом с Феликсом.

– Знаешь, кто я? – от него слегка несло перегаром. – Я – Яков Бобров. Прямой потомок *того самого* Клавдия Боброва.

– Нда? – неопределённо бросил Феликс.

– Что? Не веришь? – тот придвинулся ближе. – Зря не веришь, я тоже поэт! Хочешь экспромт?

– Клавдий Бобров был прозаиком, – сказал только Феликс. Всерьёз диспутировать с этим чудаком его совсем не тянуло.

– Изволь, прозой! – рыжий с готовностью встал в ораторскую стойку. – Не ходи по лестнице вверх. Не ходи по лестнице вниз. Подниматься в лифте – вот истинное счастье!

Феликс невольно рассмеялся, зажав рот рукой.

– Что ты ржёшь, что ты ржёшь? – вскинулся тот. – Понаехали и ржут!

Весь в возмущении, он метнулся в ближайший закоулок и тоже исчез.

Китти успела пройти чуть вперёд и дождалась теперь, пока Феликс нагонит.

– Если он понял, что мы «понаехали», поймут и остальные, – вполголоса заметила она, когда они пошли рядом дальше.

– Что-то такое выдаёт, – полузадумчиво, полуиронично прокомментировал он.

– Расслабься, – Китти легонько хлопнула его по плечу. – И не косись по сторонам с таким пренебрежением. Это далеко не худшее место на Земле.

– Барак, – фыркнул Феликс.

– Ну что ты, – Китти чуть заметно усмехнулась чему-то своему. – Барак совсем не так выглядит.

Сама она, несмотря на внешнее спокойствие, была как натянутый до предела трос – Феликс понял это, когда небрежно приобнял её для вида (всё лучше, чем стоять столбами на развилке коридоров, поглядывая то в одну сторону, то в другую).

– Ну что, куда?

Перед ними с гиканьем и шумом промчалась стайка недавних ещё подростков. Один, бежавший чуть впереди, перебрасывал в руках два яблока и смеялся: «Нет, моё! Нет, моё!» Остальные с хохотом почти злобным неслись следом.

– Я вижу там лестницу наверх, – сказала Китти, когда стайка скрылась.

– Заходите, заходите, – прощепетали девушки на верхотуре. Внизу, в закутке перед самой лестницей, ещё размещалось несколько лежанок, но они пустовали.

Одна из девушек, с светло-серыми короткими кудрями, похожая скорее на мальчика, вдруг звонко хлопнула по руке подругу.

– А я говорила, что кто-то будет!

Та, большеглазая брюнетка, перемазанная помадой и тушью, удивлённо захлопала ресницами:

– Но ведь уже больше, чем полчаса.

Первая показала наручные часы, несуразно большие на её запястье:

– Я засекала.

– Мухлѣжница, мухлѣжница!

Китти, уже успев мило улыбнуться обеим, стояла на лестнице, Феликс же притормозил у нижней ступеньки: вдруг очень захотелось их спросить, на что же они поспорили. Однако он вовремя вспомнил, что сходу заводить здесь хоть какие-то знакомства совершенно необязательно, и двинулся по лестнице вслед за Китти.

Второй этаж пустовал, и сразу становилось ясно почему. Жар печей, горевших внизу, сюда почти не доходил. Впрочем, всё же было заметно теплей, чем на улице.

Китти оглядела помещение. Тихо спросила:

– Попробуем поспать?

Феликс кивнул. Возвращаться обратно через все закутки и коридоры, после искать ночью машину в глубине леса казалось теперь делом почти неподсильным.

Впрочем, как он быстро понял, заснуть здесь было не намного легче.

«Ящик» продолжал жить: он шептался, скрежетал, звенькал чем-то и шушукался на десятки голосов, иногда снизу нёсся отборный мат вперемешку с возвышенной патетической речью и так по кругу.

Это бы ничего, но каждый шорох и вздох напоминал о дверях, которые не закрывались здесь полностью, о множестве незнакомых людей, у любого из которых может быть свой повод и своя выгода, о том, что вспомнили выключить телефон только перед самым городом...

Снизу у лестницы раздался испуганный вскрик, затем смачный шлепок и следом звонкое «Жанчик, дура, не подкрадывайся!»

Ещё один звук раздавался периодически, и он был настойчивее, постояннее других. Он повторялся то здесь, то там: лёгкое скрёб-поскрёб, в углу, за стеной, казалось уже, во всех стенах всего дома. Будто это время бежит и подтачивает одну за другой перекладины лестницы. Истекает.

Китти вздрогнула и тоже не спала больше (они лежали в обнимку, так было теплее). Наверняка пялится сейчас в темноту, как и он.

– Как думаешь, что это? – шёпотом спросил Феликс.

Она вслушалась, так же шёпотом предположила:

– Крысы?

– Надеюсь, те, что с хвостами.

– Я тоже надеюсь.

Они помолчали ещё немного. Каждый делал вид, что спит. Скрёб-поскрёб. Скрёб-поскрёб...

– Сибилла могла нас выдать, – сказала Китти.

– Уедем завтра утром.

Она ничего не ответила.

– Или тебе надо отдохнуть? – вспомнил Феликс. – Сколько дней за рулём.

– Я бы, конечно, не отказалась, но в сложившихся обстоятельствах лучше и правда ехать.

Шорохи вдруг притихли. Сначала Феликс не понял отчего, но тут услышал будто бы другой звук. Или... показалось?

– Слышишь? Как будто где-то свирель.

Китти помолчала.

– Нет, – он знал, что она прекрасно слышит. – Нет, я не слышу.

34.

Казалось, и не заснули ни на минуту, только плыл зачем-то, словно не замечая Передвижного моста, по реке красный трамвай и посверкивал огоньками сквозь вечернее марево, но тут на рассвете в дверь постучали.

Феликс приподнялся, понял, что стук ему уже не приснился. Правда, это не в дверь...

– Это внизу ходят, – глухо сказала Китти. Она стояла и прислушивалась к тому, что за стенами. Феликс метнулся к окну.

– Там автомобили, – возвестил он, рассмотрев точно. – Штук пять и, похоже, из Ринордийска.

Китти вскинула взгляд, кивнула:

– Кто-то сдал нас.

(А ведь они даже не решили, знают по легенде друг друга или нет...)

Китти обшарила пустые карманы.

– В машине? – догадался Феликс.

– В машине.

– Так, ладно, – он пробежался глазами вокруг, отыскал удобную доску с гвоздями на конце, встал с ней сбоку от двери.

Китти скептически подняла брови:

– Серьёзно?

– Почему нет!

– Лучше уходить через окно, если поднимутся.

– Ну сколько их там – пять? Десять?

– Там можно пройти по трубе, я вижу.

На минуту воцарилось молчание. Оно повисло здесь, у них и, казалось, даже заглушило звуки ниже. Не слышалось больше ни топота, ни голосов, ни скрипа дверей комнат – или это уже заложило в ушах на нервной почве... Хотя нет, слышал же он собственное дыхание, да и дыхание Китти тоже. Его скрыть не получалось, как ни старайся.

Наконец что-то раздалось на улице. Оба повели головой, боясь понять неправильно. Взревел и быстро отдалился мотор, за ним ещё два.

Китти подошла к окну, выглянула так, чтоб снаружи было сложно заметить.

– Уехали. Похоже, в город.

Оба, не сговариваясь, с облегчением опустили на лежанку.

– Да, обязательно сегодня умотаем, – пробормотал Феликс.

– А вот как раз лучше не надо, – прервала Китти.

Он обернулся, в изумлении уставился на неё.

– Ты не понял? Они и не искали нас сейчас слишком тщательно. Возможно, не с руки брать нас здесь, при свидетелях. Лучше, чтоб мы сами поняли, что они приходили, и среагировали соответственно.

– Хочешь сказать, «ящик» у них под наблюдением?

– Не обязательно. Достаточно выездов из города.

– Думаешь, так сложно? – Феликс недоверчиво оглянулся на окно, будто из него сейчас можно было видеть Истрицк и все его дороги. На улице светало. – Просто для того, чтоб без шумихи?

– Сколько я знаю этих людей, вполне вероятный вариант. Лучшее, что мы можем сделать, это залечь на пару недель и не дёргаться.

Феликс фыркнул ещё даже без слов, просто от одной мысли. Попробовал поискать слова.

– А если за эти две недели они наведаются ещё раз? Скажешь, нет?

– Это менее вероятно, – спокойно возразила Китти. – Если не будет реакции с нашей стороны, а точными сведениями они не располагают, возможно, решат искать следы в другом направлении.

Феликс задумался.

– Зависит от того, кто нас сдал, конечно, – протянул он.

– Это могла быть Сибилла. Это могли быть местные.

– Это могли быть Рамишев или Пурпоров. Не специально – но, скажем, проболтаться.

Или разговор могли прослушать.

– Они не знают место.

– Я сказал про Истрицк.

Китти подумала ещё.

– Человек, в доме которого я взяла ту симку, мог выдать номер.

Феликс удивился:

– Ты была в чьём-то доме?

– Родственника.

– По маме? Ты вроде говорила, у неё нет...

– По отцу.

– Это новости! Ты знаешь своих родственников по отцу и даже можешь у них остановиться, а я об этом никогда не слышал?

Китти молчала так долго, что он на неё обернулся. Глаза её потемнели, губы превратились в узкую упрямую линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.